АЛЕКСѢЙ МАСАИНОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

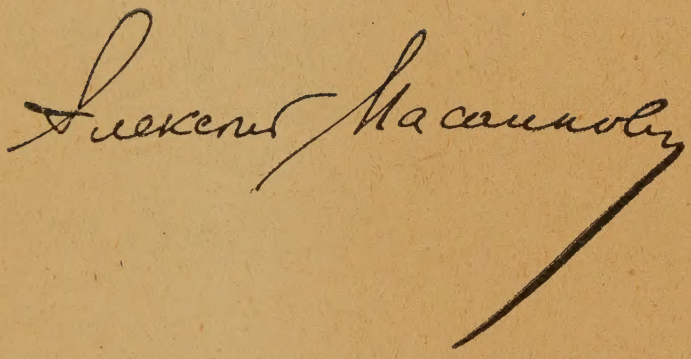
ТОМЪ ВТОРОЙ

ЛЕГЕНДЫ ОСТРОВА МАНГАРЕВА

ПАРИЖЪ
НЬЮ-ІОРКЪ
MCMXXVII

Copyright by Alexis Massaïnoff, 1927.

Tous droits de traduction et de reproduction
réservés pour tous pays.



Набрано
въ типографіи
« Книгоиздательства
Крылатыхъ ».
Отпечатано
въ
Imprimerie
E. Magnan
50, Rue Gioffredo, 50
Nice
1928

АЛЕКСѢЙ МАСАИНОВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ВТОРОЙ

ЛЕГЕНДЫ ОСТРОВА МАНГАРЕВА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
КРЫЛАТЫХЪ

ЛЕГЕНДЫ ОСТРОВА МАНГАРЕВА

1926—1927

Собраны въ Полинезіи
въ 1926-27 году.

1926—1927

Островъ Мангарева, одинъ изъ пяти острововъ Гамбье, лежитъ на 23° 08′ Ю., 134° 55′ 30″ З. въ наиболѣе пустынной области Тихаго Океана между Чили и Таити.

Двадцать пятаго мая 1797 года онъ былъ открытъ для европейцевъ капитаномъ Вильсономъ на суднѣ Duff.

Сейчасъ о Мангаревѣ извѣстно только то, что когда то его посѣтилъ Дарвинъ и нынѣ два мѣсяца въ году тамъ ловятъ жемчуга, пожалуй самые красивые въ Океаніи.

Въ остальное время онъ отрѣзанъ отъ міра.

Около семи-девяти дней пути его отдѣляетъ отъ Таити—мимо низкихъ коралловыхъ острововъ Помоту „по вѣчно движущемуся, вѣчно измѣнчивому, никогда не спокойному морю“, днемъ украшенному радугами, а ночью отвѣчающему вспышкамъ молній своимъ темнымъ, зловѣщимъ огнемъ.

Въ этой безмѣрной свободѣ водъ, въ этомъ великомъ очарованіи міра, когда границами человѣческой душѣ слу-

жатъ лишь небо и бездна, воображеніе растетъ неизъяснимо.

Кажется, само море здѣсь свѣтится фантазіей и малыя, нѣжныя земли, разсѣянныя по нему, впитываютъ въ себя вмѣстѣ съ солью водъ, ароматъ и напѣвъ легендъ.

И сказы, заключенные въ этой книгѣ, порождены моремъ и его великимъ просторомъ прежде всего.

Я собиралъ ихъ на берегу, какъ красивыя раковины на пескѣ, уже полураздавленныя и засосанныя тиной.

Въ нихъ не было ни началъ, ни концовъ, но путь, лежавшій передо мною все же былъ легче, чѣмъ тотъ, что былъ пройденъ въ „Легендахъ Океаніи", гдѣ авторъ нерѣдко былъ въ положеніи Кювье, что по одной найденной кости возстанавливалъ форму существа, разсыпавшагося въ вѣтрѣ столѣтій.

„Легенды о. Мангарева" новѣе, полнѣе и ближе къ намъ, но одна и та же душа роднитъ ихъ съ вымыслами, рожденными на оо. Товарищества.

Тамъ Человѣкъ вопрошалъ стихіи о совершающемся въ мірѣ.

Въ легендахъ Мангаревы Человѣкъ уже спрашиваетъ самого себя.

Это болѣе близкій, болѣе понятный намъ голосъ, но въ подлинникѣ онъ часто грубъ, надтреснутъ и неразборчивъ.

И авторъ, какъ и въ первой своей книгѣ, поставилъ себя въ положеніе продолжателя сказа, океанійца и поэта, ведомаго любовью къ странѣ и художественной своей совѣстью.

Въ музыкѣ такое творчество называется „интерпретаціей на заданную тему". По существу слова эти лишены значенія.

Всякое искусство есть ничто иное какъ интерпретація.

Самостоятельное творчество, „рожденное въ самомъ себѣ" — смѣшной предразсудокъ наивныхъ.

Если мы вспомнимъ, что всѣ великія произведенія отъ Энеиды, заимствованной у Гомера, до драмъ Шекспира, заимствовавшаго вездѣ, гдѣ онъ считалъ для себя удобнымъ — напрашивается невольный выводъ:

— искусство начинается тамъ, гдѣ кончается ремесленничество,

— независимость произведенія рождается тамъ, гдѣ начинается искусство.

Итакъ, да не смущается сердце ученыхъ, привыкшихъ принимать каждое написанное слово за „букву закона".

Единственнымъ закономъ, ведшимъ меня, была творческая воля.

Существенное различіе ея съ волей полинезійскихъ поэтовъ въ томъ, что ихъ красота не знаетъ и не хочетъ знать мысли.

Полинезійцы не думаютъ.

Они или поютъ и смѣются или выдумываютъ.

Для автора этихъ строкъ поэзія всегда есть Мысль и онъ былъ ведомъ ею.

Отъ этого книга его освѣщена инымъ свѣтомъ, чѣмъ безпечный, наивный свѣтъ народа, еще не пережившаго своего дѣтства.

Однако, поистинѣ авторъ не чувствуетъ за собою никакой вины: легенды, собранныя здѣсь, принадлежатъ ему самому не меньше, чѣмъ той чудесной странѣ, откуда онъ подхватилъ начатую пѣсню.

И онъ благодаренъ ей за поданный голосъ.

Онъ благодаренъ ей за ея умиротворяющую красоту и за щемящую красоту ея дѣтей, словно еще не узнавшихъ грѣхопаденія и за самое полное счастье вселенной, спящее въ бѣлыхъ объятьяхъ ея могучихъ коралловыхъ рифовъ...

Санта Моника, Тихій Океанъ
Калифорнія.

Фотографія автора

Авторъ на горномъ озерѣ Вахирія въ Таити

Легенда

фотографія автора

Крабъ-отшельникъ въ маленькой раковинѣ

ЛЕГЕНДА О ВЛЮБЛЕННОМЪ ХИТО, ИСКАВШЕМЪ СЕБѢ ЖЕНУ.

Однажды старый рыбакъ
Съ такою же старой женою
Устало удилъ на рифѣ.
Ураганъ тяжелый хлесталъ
По горбатымъ, бѣлымъ валамъ,
Гдѣ одиноко кричали
Двѣ безпріютныя птицы.
—Знаешь о чемъ онѣ плачутъ,
Жена моя, Ина Лауренга—
Глухо промолвилъ рыбакъ.
—О томъ, что сердитое море
Ночью смыло гнѣздо ихъ
И имъ не будетъ дѣтей
Все это долгое лѣто.
Мы съ тобою вотъ такъ же
Какъ эти печальныя птицы,
Только лѣто наше уже прошло
И веселыхъ птенцовъ намъ не видѣть.

И вдругъ почуялъ рыбакъ,
Что крючокъ его стала тянуть
Тяжелая крѣпкая рыба.
Съ трудомъ вытянулъ онъ добычу—
И отшатнулся въ испугѣ.
Надъ валами, блестя ослѣпительнымъ тѣломъ,
Показалась сама Подводная Дѣва.
Выпутавъ крѣпкій крючокъ изъ волосъ,
Она сѣла на рифъ
И засмѣялась звонко.
—Не бойся, рыбакъ!
Слабая женщина, я не дѣлаю зла земнороднымъ.
Я плыла у зеленаго рифа
И услышавъ твой голосъ,
Рѣшилась тебѣ помочь.
Что ты желаешь—дочь или сына?
—Сына!—отвѣтилъ рыбакъ,
Еще не вѣря вполнѣ
Тому, что онъ видитъ.
—Я дамъ тебѣ сына—
Сказала подводная дѣва.
—Только уговоръ будетъ дороже удачи:
Когда возмужаетъ дитя,
Я приду къ вамъ на землю изъ бури
И возьму его мужемъ себѣ,
Въ свое подводное царство.
—Согласенъ!—смѣло отвѣтилъ рыбакъ—
И видѣніе скрылось безслѣдно.
Вскорѣ у Ины Лауренга
Родился мудрый, пугливый ребенокъ Хито.
Любилъ онъ темныя рощи, букашекъ и бабочекъ,
Птицъ и деревья, покрытыя свѣжей листвой.
Съ утра убѣгая въ ущелья,
Гдѣ скрывались дикія козы,
Вмѣстѣ съ ними прыгалъ по скаламъ Хито,

Съ муравьями строилъ дворцы изъ песка,
Съ птицами пѣлъ ихъ веселыя звонкія пѣсни.
Такъ, понявъ безъ труда
Всѣ тайны твари живущей,
Сталъ онъ названнымъ братомъ
Птицамъ, козамъ и муравьямъ.

Разъ бурнымъ вечеромъ,
Отецъ, запинаясь, съ трудомъ,
Разсказалъ уже возмужавшему сыну
О тайнѣ рожденья его — и ужаснулся Хито.
Сѣлъ онъ подъ навѣсомъ у дома,
Слѣдя какъ шальныя молоньи
Прыскали въ яростномъ небѣ,
И, думая — что ему дѣлать,
Вдругъ почуялъ отъ моря
Свѣжій стремительный вѣтеръ.
Огромныя волны
Въ прискачку рвались на берегъ,
И изъ волнъ весело выпрыгнулъ
Безобразный косматый уродъ.
—Будь счастливъ, женихъ!—
Промолвилъ уродъ, приближаясь къ Хито.
—Много лѣтъ ждала я тебя
Къ себѣ на песчаное лоно.
Въ зеленыхъ моихъ дворцахъ
Уже все приготовлено къ пиру.
Зажжены голубые огни
И веселыя рыбы
Отъ радости пляшутъ у дворцоваго входа.
Что жъ ты такъ удивился?
Развѣ ты ничего не слыхалъ
О своей подводной невѣстѣ?
—Вѣдьма!—воскликнулъ Хито —
И бросился вонъ изъ дома.

Дождь тяжело
Хлесталъ по шумящимъ деревьямъ.
Весь мокрый, Хито
Прибѣжалъ къ друзьямъ своимъ, муравьямъ
И умолилъ ихъ спрятать его
Въ ихъ подземное царство.
Спрятали муравьи
Своего красиваго друга,
А передъ утромъ,
Когда буря уже утихла,
Хито осторожно вышелъ наверхъ,
И увидѣлъ новое чудо.
По бѣлой лунной дорогѣ
Сіяющихъ водъ
Тихо шла Дѣва немыслимой красоты—
И скрылась въ пучинѣ.
Старый отецъ,
Также слѣдившій за чуднымъ видѣньемъ,
Подошелъ къ Хито и вымолвилъ строго:
— Трусъ! Куда пропадалъ?
Предложенье-то было недурно.
Вишь, какъ она себя разукрасила
Всѣми цвѣтами. Эхъ, ты!
Будь я помоложе — я бъ тебѣ показалъ
Какъ дѣйствовать нужно
Въ такія мгновенья.
—Зачѣмъ же она
Превратила себя въ урода?—
Грустно воскликнулъ Хито.
—Зачѣмъ?—Какъ поймешь
Ты проклятую женскую хитрость?
И развѣ неплохо
Увидать превращенье урода
Въ дѣвицу дивной красы.
Въ жизни, мой сынъ,

Обычно бываетъ это иначе!—
Съ тѣхъ поръ всѣ полезныя рыбы
Отошли отъ владѣній Хито,
Но онъ и не думалъ о ловлѣ.
Жадно глядя въ пространство,
Онъ сидѣлъ на прибрежныхъ камняхъ
И все ждалъ появленія чуда.
—Что печаленъ, пріятель?—
Заползая къ нему на колѣни,
Спросилъ его муравьиный король.
—Я влюбленъ — отвѣчалъ простодушный Хито
—Въ самую прекрасную Дѣву на свѣтѣ.
Она живетъ подъ водой,
Подъ водой у нея танцуютъ веселыя рыбы.
Я и самъ былъ бы радъ съ ней теперь поплясать,
Да только она, видно, не хочетъ.
—Другъ мой—жадно воскликнулъ муравьиный король
—Не думай о ней! Послѣ я разскажу
Ея страшную тайну.
И женщина, самая красивая въ мірѣ,
Царитъ на лунѣ, а не живетъ подъ водою.
—Можешь ли взять меня на луну? —
Спросилъ оживленный Хито.
—Могу!—готовно отвѣтилъ король—
И, отрастивъ муравьямъ длинныя сизыя крылья,
Посадилъ на ихъ спины Хито
И отправилъ его за лунной царевной.
Вотъ они прибыли къ свѣтлымъ, завѣтнымъ воротамъ,
Раздѣляющимъ царство луны отъ пустыннаго неба
И муравьи шепнули Хито :
—Ворота на луну
Стережетъ чудовищный звѣрь Піа Какайя,
Страшный какъ буря и хитрый какъ муха.

Спитъ онъ, мошенникъ, раскрывши глаза,
Стережетъ же, притворно закрывши тяжкія вѣки.
Остановился въ воротахъ Хито—
Видитъ — чудовище все въ волосахъ,
Съ десятью животами, съ огромною пастью
Лежитъ у воротъ, выпучивъ страшныя очи.
Вспомнивъ совѣтъ, Хито смѣло, по яркимъ лучамъ,
Вошелъ чрезъ ворота—и вступилъ на Луну.
Тишина тамъ царила такая,
Что было слышно,
Какъ дышали легкія травки.
Серебряные пауки
Безшумно пряли въ призрачныхъ безднахъ,
И всѣ скалы, деревья и рощи
Были затканы тонкой сверкающей паутиной
Покрываломъ блестящихъ лучей.
—Ахъ, никого нѣтъ на лунѣ — подумалъ Хито —
и увидѣлъ
Тоже затканный свѣтлыми нитями маленькій
домикъ.
Толкнулъ онъ дверь и вошелъ подъ легкую крышу.
Одинъ серебряный мотылекъ играющей искрой
Чуть трепеталъ на яркомъ полу.
—Ау!— закричалъ Хито
И вышла къ нему прекрасная дѣва,
Сама королева Луны.
—Что тебѣ нужно?—
Спросила она, сіяя.
—Тебя! Я—рыбакъ острова Мангарева.
Я тамъ слушаю вѣчное море
И ужу веселыхъ рыбъ.
Хочешь ли быть моею женою?
—Хочу—отвѣтила королева.
—Много героевъ старалось достать меня —
И всѣ погибли у входа.

Ты — самый могучій изъ нихъ
И я пойду за тобою.
Только рыбъ я не знаю, герой,
И питаюсь лишь пѣснями и любовью.
... Посадилъ Хито королевну Луны
На муравьиныя спины
И торжественно нрибылъ на островъ.
Птицы тучей неслись вслѣдъ за нимъ
И птичій король, сѣвъ Хито на плечо,
Спрашивалъ дѣловито:
— Откуда досталъ невѣсту?
— Съ Луны — гордо отвѣтилъ Хито.
Это — самая прекрасная Женщина,
Что существуетъ на свѣтѣ.
— Неправда — возмущенно шепнулъ на ухо
Птичій король.
— Ты нашъ другъ и я не хочу,
Чтобы ты былъ обманутъ.
Женщина самая красивая на свѣтѣ
Живетъ на сверкающемъ Солнцѣ!
Ночью Хито призадумался крѣпко.
Весь домъ его изнутри сіялъ отъ луннаго свѣта.
Лунная Дѣва не засыпала
И все пѣла печальныя странныя пѣсни.
Наутро, позвавъ птичьяго короля
Хито попросилъ его отправить его на Солнце.
И вотъ тысячи птицъ
Понесли юношу къ Сіяющему Свѣтилу.
У входа въ солнечный міръ,
Лежала, свернувшись блестящимъ клубкомъ
Огромная сороконожка.
Но она не видала Хито: спала —
Она только что съѣла другого безумца,
Летѣвшаго за ея королевой.
На Солнцѣ, надъ блескомъ медовыхъ долинъ,

Роями кружились розовыя и золотыя пчелы.
Безшумно онѣ вылетали
Изъ пылающихъ ульевъ,
Собирая медъ свѣтовой,
Огненными крыльями блестя,—
До утра, до новой работы.
Пошелъ Хито по медовымъ долинамъ
И увидѣлъ пламенный домъ.
Крыша его была выстлана огненною соломой,
Стѣны лучили огонь,—а вокругъ, по бокамъ,
Тонкія скрѣпы, паутина блестящихъ лучей,
Звенѣли сладкою, мирною пѣсней.
И Хито, заслушавшись звона,
Сѣлъ на лугу—и забылся.
Очнулся онъ отъ безмѣрнаго свѣта:
Передъ нимъ стояла сама королева.
—Откуда попалъ сюда ты, безумецъ?
Промолвила Королева.
—Съ Земли—всталъ, улыбаясь Хито.
Я прилетѣлъ за тобою.
Пойдешь ли ты на нашу старую землю?
—Ты первый, прибывшій на Солнце!—
Отвѣтила Королева.
—И я давно хочу посмотрѣть,
Что дѣлается на Землѣ!
Такъ, отправясь на Мангарева,
Они спустились на прибрежной горѣ,
Гдѣ паслись дикія козы.
Удивляясь странному міру,
Женщина съ солнца
Стала рвать молодые цвѣты
И гоняться за мотыльками,
А къ Хито подошелъ козій король.
—Кто эта Дѣва?—спросилъ козій король.
—Это самая прекрасная Женщина,

Что живетъ во вселенной — засмѣялся Хито.
—Нѣтъ словъ — она превосходна—
Отвѣтилъ козій король.
Все же она не самая красивая женщина въ мірѣ.
—Что можетъ быть въ жизни
Красивѣе солнца? — оскорбился Хито.
—Женщина съ Радуги — замѣтилъ козій король.
—Дорогой мой названный братъ —
Поживи и узнаешь:
Ни холодная Дѣва Луны, и ни жаркая женщина съ Солнца
Не могутъ быть доброй Земною Женою.
Женщина съ Радуги ближе къ подлунному міру.
Она не жарка и не холодна,
Но въ ея сіяющемъ сердцѣ
Почіютъ всѣ краски вселенной.
О, клянусь, что глаза ея
Синѣе полдневнаго неба,
А волосы ярки какъ огонь!—
Такъ хорошо говорилъ
Веселый козій король,
Что на утро же послѣ дождя,
Когда удивленныя рощи
Озираютъ проснувшійся міръ,
Хито на могучемъ дикомъ козлѣ
Прыгнулъ на огромную радугу въ небѣ
И вступилъ въ многоцвѣтное царство
Синихъ, зеленыхъ, желтыхъ и красныхъ кристалловъ,
Дрожащихъ какъ солнечный свѣтъ на листѣ
И легкихъ какъ утренній воздухъ.
Черный звѣрь по имени Манукайа
Стерегъ яркій кристальный дворецъ.
Въ то время, когда звѣрь безплодно
Старался поймать козла своею когтистою лапой—

Хито подошелъ къ дворцовымъ воротамъ,
Прозрачнымъ, какъ вечернія небеса.
За ихъ удивительнымъ блескомъ
Пришлецъ увидалъ чудесную Дѣву.
Не говоря ей ни слова,
Быстро схватилъ Дѣву смѣлый Хито
И, крикнувъ козла своего,
Могучимъ прыжкомъ перенесся на Мангарева.
Въ домѣ его уже сидѣли довольно
Птичій и муравьиный король,
Забавляя разсказами
Женщинъ съ луны и солнца.
—Мои дорогіе друзья!—
Привѣтствовалъ ихъ Хито
—Это вы помогли мнѣ достать
Двухъ чудесныхъ красавицъ.
Вижу—нравятся дѣвушки вамъ—
Мнѣ же больше нравится эта.
Если бъ только могли вы
Принять земное обличье
И взять себѣ въ милыя жены
Женщину съ Солнца и съ Луны!
—Онъ говоритъ разумно!
Сладко запѣлъ Птичій Король.
—Какъ возвышенно онъ говоритъ!
—Мнѣ и такъ надоѣло
Вѣками скитаться подъ темной землей!—
Подтвердилъ Муравьиный Король.
—А знаешь ли ты, Хито,
Что мы не муравей и не птица?
Онъ—былъ мореходъ,
Я былъ пѣснопѣвецъ веселый.
Однажды Морская Колдунья
Завлекла насъ въ подводныя бездны
И вернулись мы—я—муравьемъ,

Онъ—разумною птицей.
Передъ рожденіемъ твоимъ
Она и отца твоего обманула,
Но ты оказался хитрѣе.
—О, бѣдные оборотни!
Промолвила Солнечная Королева.
—Всемогущее Солнце
Разрушаетъ всѣ черныя чары.
Часъ искупленья насталъ.
Будьте сами собою. —
И Муравьиный и Птичій король
Превратились въ юношей стройныхъ и сильныхъ
И одинъ запѣлъ веселыя пѣсни,
Другой сталъ разсказывать сказки
О невѣроятныхъ приключеньяхъ своихъ.
Взяли они себѣ въ жены
Первый—Лунную, второй—Солнечную королеву
И, послѣ веселаго пира,
Улетѣли съ ними на небо,
Гдѣ живутъ и понынѣ—
Слушаютъ огненныхъ пчелъ,
Паутинную музыку Луннаго Свѣта.
Хито же обручился съ Дѣвою Радугъ,
Нѣжною Дѣвою Радугъ,
Плодородной, какъ полуденный дождь.
Но не долго былъ онъ спокоенъ.
Услышавъ отъ падающей звѣзды,
Что первая красавица міра
Живетъ на сверкающемъ Млечномъ Пути,
Полетѣлъ онъ за нею туда —
Да такъ и не вернулся обратно ...

ЛЕГЕНДА О МОА И МИРУ И О КОРОЛЕВѢ МОКОРЕА.

Моа и Миру—такъ звались первые люди, прибывшіе на острова Мангарева много вѣковъ назадъ.

Пустыненъ былъ океанъ, пустынна была земля, лишь малыя рощи различныхъ деревьевъ подъ яркимъ сжигающимъ солнцемъ поднимались по скатамъ у водъ. Но плоды ихъ были горьки п неудобны въ пищу.

Только рыбы, не знавшія человѣка, стадами ходили у рифа, гдѣ на бѣшеныхъ взводняхъ веселились киты и качались морскія птицы.

И каждое утро повторялся одинъ и тотъ же обманъ: Моа и Миру, выходя за добычей на рифъ, видѣли какъ на островѣ, откуда-то тайно появляются женщины, прекрасныя женщины и весело бѣгая по песку, машутъ имъ и зовутъ, дразня плѣнительнымъ смѣхомъ.

Каждое утро повторялся одинъ и тотъ же обманъ: когда рыбаки возвращались на землю, видѣніе исчезало безслѣдно.

Наконецъ воскликнулъ Миру:

—Моа, сдѣлаемъ чучело. Ты поставишь его съ собою на рифъ, я же спрячусь за скалы. Если правда, что женщины эти съ плотью и кровью, (а не обманное наше желаніе), онѣ подумаютъ, что мы оба удимъ на рифѣ. Тогда-то я ихъ поймаю, если не нѣсколькихъ, то хоть одну.

—Двухъ, двухъ!—закричалъ восхищенный Моа. Мы возьмемъ ихъ въ жены, построимъ два дома, передъ домомъ выростутъ пальмы и нашъ островъ будетъ красивѣе нашей старой земли, потопленной бурной водою.

—Хорошо, я поймаю двухъ женъ,—и мнѣ и тебѣ, —отвѣтилъ Миру.

И когда Моа съ чучеломъ вышелъ на рифъ, Миру, взявъ крѣпкую сѣть, схоронился за скалы и сталъ дожидаться.

И видитъ Миру: изъ источника передъ скалою, покрытаго заревомъ желтыхъ цвѣтовъ, одна за другою выходятъ двѣнадцать таинственныхъ женщинъ, тяжестью темныхъ косъ закрывая слѣпительную наготу.

Послѣдней, въ коронѣ изъ водныхъ цвѣтовъ, выходитъ прекрасная королева и вѣки ея дремно дрожатъ и она произноситъ вздыхая:

—О, подруги, какое странное чувство объяло меня! Все мнѣ кажется, что одинъ изъ смертныхъ, прибывшихъ на островъ, здѣсь рядомъ. И сладко мнѣ такъ и страшно, подруги мои.

—Посмотри, королева,—ей отвѣчали подруги,—развѣ не видишь ихъ двухъ на рифѣ? Они ловятъ рыбу, но не могутъ поймать насъ, веселыхъ подземныхъ красавицъ.

И, выбѣжавъ на берегъ, закричали:

—Два смертныхъ, прибывшихъ на островъ! Идите играть, идите купаться съ нами! У насъ подъ землею

есть источникъ сладкой и горькой воды. Мы напоимъ васъ сладкой водою, раскажемъ вамъ тайныя сказки морей о кладахъ, о буряхъ, о страшныхъ огняхъ подземныхъ—идите за нами—ха-ха. Они боятся пугливыхъ красавицъ!

—Неправда,—вскричалъ Миру, выбѣгая изъ-за скалы и накидывая сѣть на источникъ.—Я здѣсь и даже хочу васъ поймать!

Въ ужасѣ бросились дѣвы обратно подъ землю, стали биться и плакать, наконецъ, разорвали сѣть и исчезли.

Однако, сама королева спастись не смогла. Звали ее нѣжнымъ именемъ Мокорея.

—Бережно взявъ королеву, Миру сталъ молить ее твердо, достойно, спокойно подарить его вѣрной любовью и остаться съ нимъ навсегда.

Въ это время съ кипящаго рифа уже прибылъ Моа.

—Какъ!—закричалъ онъ съ тоскою,—Миру, гдѣ же жена для меня? Вѣдь не можемъ же мы обходиться съ одною женою!

И узнавъ, что одиннадцать прочихъ вырвались и скрылись подъ землю, Моа сѣлъ на берегъ и безутѣшно заплакалъ—о солнечной ласкѣ любимой, что ему никогда не узнать, своимъ одиночествомъ горькимъ заплакалъ Моа простодушный. Увидѣвши слезы его, королева стала смѣяться.

—Утѣшься, Моа. Развѣ плачетъ мужчина? Развѣ въ твоей могучей груди носишь ты птичье сердце? Прекрасно,—тогда я тебѣ подарю великое счастье быть владыкой безсчетнаго множества женъ. Собирайся, лети на Таити!

И вдругъ увидѣлъ Миру превращеніе друга.

Сталъ уменьшаться Моа, уменьшаться; руки его превратились въ крѣпкія крылья, за спиной выросъ красивый радужный хвостъ и, ставъ пѣтухомъ, Моа

закричалъ «ку-ку-реку», крылами взмахнулъ — и поднявшись до самаго неба, быстро полетѣлъ на Таити.

На Таити встрѣтило его безчисленное количество куръ.

Съ веселымъ кудахтаніемъ неслись онѣ на него и кричали:

— Вотъ, наконецъ, онъ прибылъ, нашъ удивительный мужъ! Моа, дорогой, гдѣ ты пропадалъ? Мы тебя такъ долго, такъ долго искали!

Вслѣдъ за ними къ Моа подошла степенно собака.

— Откуда прибылъ, дружокъ?— важно спросила собака.

— Съ Мангарева.

— И я съ Мангарева. Тебѣ хорошо — ты летѣлъ — я плыла. Надѣюсь, мы будемъ друзьями. Таити недурное мѣсто, но въ жару и въ морѣ не плохо. Все же надо толково рѣшить, гдѣ будемъ мы жить — на землѣ или въ морѣ?

— Въ мо-рѣ? — воскликнулъ удивленно Моа. — Конечно, когда я былъ человѣкомъ, я нырялъ не хуже собаки, — но теперь?!..

И съ тѣхъ поръ повелось на вѣка: собаки и курицы выбрали жительствомъ твердую землю.

А черезъ нѣсколько лунъ тучи малыхъ цыплятъ разбѣжались по тѣнистымъ чащамъ Таити: и курицы были довольны, и доволенъ былъ любвеобильный Моа*).

* * *

Въ то же время, когда онъ еще путешествовалъ въ небѣ, Миру приготовилъ королевѣ Мокореа обѣдъ. Онъ изжарилъ пойманныхъ рыбъ, разложилъ на банановыхъ листьяхъ молюсковъ и ракушекъ и поставилъ какъ чашку, половину орѣха съ горькой водой.

---

*) Моа на полинизейскомъ языкѣ означаетъ курица.

—Несчастный! — королева вскричала. — Почему же не ѣшь ты плодовъ, банановъ и дынь? Развѣ ты ихъ совсѣмъ не любишь?

—Какъ же мнѣ ѣсть такую ужасную горечь? — отвѣтилъ печально Миру. — Моя молодая земля солона и я питаюсь лишь рыбой.

—Слушай же смертный,—промолвила Микореа. —Если пустишь меня ты обратно въ мое подземное царство, я напою всѣ корни деревьевъ сладкой водой и ты будешь имѣть пищу, которой питаются боги. Но чтобы ее освятить, обойди владѣнія свои и попробуй отъ каждаго злака и каждаго дерева. Тогда всѣ они принесутъ тебѣ сладкій, питательный плодъ, кромѣ тѣхъ, что ты вовсе не тронешь.

Подумалъ смущенный Миру — и отпустилъ обратно въ источникъ плѣненную королеву. Потомъ онъ пошелъ по рощамъ, пробуя злаки и плоды — и каждый плодъ, что срывалъ онъ, становился пряннымъ или сладкимъ: апельсинъ и бананъ, дыни и майорэ — даже длинный тростникъ налился чистымъ сахарнымъ сокомъ.

Такъ, наѣвшись на нѣсколько дней, веселый отъ счастья, заснулъ утомленный Миру, не имѣя силы пробовать дальше.

Вотъ почему лимонъ и калабашъ, и перецъ и много другихъ, что не тронуто имъ, до сихъ поръ сохраняютъ свою ѣдкую силу.

* * *

Вскорѣ на островъ пріѣхали новые люди и дѣвушки были съ ними нѣжныя, какъ утренняя тишина.

Но Миру не хотѣлъ сочетаться съ земною женою: все время онъ смотрѣлъ на волшебный источникъ и звалъ королеву обратно такъ упорно, такъ часто, что образъ его сочетался съ кристальною влагой и наши немудрые люди, идущіе за свѣжей водой, часто видятъ его и понынѣ...

Танецъ

фотографія автора

Закатъ надъ лагуной въ Таити

фотографія автора

Мотy-ута,
Коралловый островокъ въ лагунѣ

фотографія автора

„Кокетство“

ЛЕГЕНДА О ТОМЪ, КАКЪ БЫЛИ ОТКРЫТЫ НОВЫЯ ЗЕМЛИ.

Это сказъ о бушующемъ морѣ, нашемъ извѣчномъ наслѣдьи,
О безвѣстныхъ, солнечныхъ земляхъ, схороненныхъ за влагою водныхъ пустынь,
Это сказъ о веселомъ и мудромъ морякѣ Теагни-агни...

I

Когда Мангареву наполнилъ народъ, какъ песокъ наполняетъ морскіе заливы, стало тѣсно тамъ людямъ и многіе начали думать о поискахъ новыхъ земель.

Жилъ тогда же на островѣ, окруженный большою семьею, старый Нуа.

Былъ онъ слѣпъ отъ рожденья, но имѣлъ чудную силу внутренняго видѣнья и часто, глядя слѣпыми глазами въ играющій океанъ, говорилъ внимательнымъ дѣтямъ:

— Вижу на волнахъ, за далекимъ просторомъ, под-

нимаются словно опрокинутыя деревянныя миски, безвѣстные острова. И справа и слѣва стоятъ они одиноко и ждутъ человѣка. Отплывайте на вѣрномъ суднѣ — и откроется вамъ этотъ дѣвственный міръ, если только возьмете своимъ капитаномъ младшаго брата Теагни-агни.

— Теагни-агни взять капитаномъ! — засмѣялись старшіе братья. — Онъ еще любитъ играть какъ ребенокъ, вырѣзать изъ дерева лодочки и идолы и купаться съ маленькими дѣтьми. Нѣтъ, капитаномъ нашимъ будетъ старѣйшій.

Такъ рѣшивъ, отправились въ путь девять сыновъ, но безплодно блуждали по могучему океану и вернулись обратно ни съ чѣмъ.

А море пѣло и звало, широкое, безбрежное море, и все тѣснѣй становилась земля — тогда, починивъ разбитое бурями судно, вторично отплыли они, на этотъ разъ взявъ капитаномъ Теагни-агни.

И какъ будто отъ вѣка зная дорогу, Теагни-агни — счастливая юность! — съ веселою пѣсней поставилъ свой руль прямо по восходному солнцу — и вотъ черезъ нѣсколько лунъ, на волнахъ показалась земля, какъ опрокинутая деревянная миска.

Кричали морскія птицы. Огромные спруты плавали въ яркой, брызжущей солнцемъ водѣ.

Пройдя средь чудовищъ, судно пристало къ землѣ прекрасной и непонятной. Сотни каменныхъ идоловъ, могучихъ какъ скалы, поднимали по скатамъ свои покрытыя древнимъ мохомъ тѣла и, казалось, только они одни населяли таинственный островъ. Однако, едва упала вечерняя мгла, длинноухіе, рослые голые люди напали на братьевъ, но послѣ короткаго боя, были побиты до одного.

Братья сожгли побѣжденныхъ — и старшій остался тамъ жить со своею женою. Вотъ какъ былъ от-

крытъ для людей лежащій у предѣльной оконечности міра Рапануи, островъ трехгранный какъ невѣдомый каменный знакъ *).

Дальше поплыли мореходы, ловя рыбъ на кусокъ перламутровой раковины, и пили горькую воду, пока не увидѣли новую сушу.

Аваики**), земля нашихъ гордыхъ отцовъ, колыбель будущихъ поколѣній!

Ты дымилась, закутана легкимъ туманомъ, покрываломъ сіяющихъ утръ.

Тамъ былъ долгій, заслуженный отдыхъ. Старшій изъ восьмерыхъ взялъ Аваики себѣ, а прочіе двинулись къ югу.

Заходили старыя звѣзды и поднимались другія. Холодной, колючею пѣной разсыпался по судну сѣдой волнобой, закрывая полнеба; долгія ночи ворожили надъ черной водой—и безнадежнымъ показалось скитанье плывущимъ.

Вдругъ, какъ глазъ влюбленной дикарки, дожидающей жениха, блеснула въ расцвѣтающемъ небѣ большая гора, покрытая бѣлымъ—и земля Ангауру***), что называемъ мы также Маорійской землею, приняла моряковъ въ свою влажную, росную свѣжесть. Водопады горячаго пара то поднимались внезапно изъ дымящихся трещинъ, то пропадали подъ почвой, какъ

---

*) Рапануи есть островъ, что мы знаемъ подъ именемъ о. Пасхи / 27° 08′ S., 109° 25′ W. /. Имя Рапа-нуи, что значитъ «Рапа большая» указываетъ, что островъ Рапа, лежащій нѣсколько сотъ миль къ западу отъ Мангарева, былъ въ то время хорошо извѣстенъ; ибо ново-открытая земля была крещена его именемъ.

**) Avaiki — островъ Gavaii на Самоа, колыбель Полинезіи.

***) Ангауру — Новая Зеландія.

подземные бѣлые духи. Гулъ глухой гудѣлъ подъ ногами, но трава была зелена и веселы были долины. Братья одѣлись въ теплыя птичьи перья, грѣлись на натопленной паромъ землѣ—и старѣйшій изъ нихъ остался тамъ жить со своимъ скотомъ и женою.

Къ теплу, къ отрадѣ спокойнаго міра повернулъ корабль капитанъ—къ острову Атія*) причалили моряки, вручивъ его старѣйшему изъ прибывшихъ. А пять прочихъ двинулись дальше; по пути молодой попугай сѣлъ на снасти и привелъ скитальцевъ въ веселую землю Гаротонга.

Какъ юная дѣвушка, вшедшая въ море передъ купаньемъ, смѣясь она отдавала вѣтрамъ свои зеленыя косы — и снова старѣйшій изъ братьевъ взялъ Раротонга въ свое вѣковое наслѣдье. Въ этотъ день родилась молодая луна, а на новую четверть пловцы увидали красивыя грани синихъ сіяющихъ мысовъ. Казалось, они опускались къ водѣ, какъ нѣкіе горные звѣри, что жадно пьютъ океанъ, но зачарованы музыкой водъ, никогда не могутъ напиться.

Это было, увѣнчанное короною облаковъ, опоясанное бѣлою пѣною рифовъ золотое Таити — и старшій изъ четырехъ моряковъ, счастливый, остался на немъ со своимъ скотомъ и женою.

—Теперь поѣдемъ домой!—сказалъ Теагни-агни — и, повернувши на западъ, встрѣтилъ островъ Тонга-Тапу и островъ Вавао**) и, высадивъ тамъ двухъ оставшихся братьевъ, одинъ началъ искать землю для себя самого.

---

*) Несомнѣнно Atia — одинъ изъ острововъ Кука / 19° 59′ S., 158° 06′ W./. Раротонга принадлежитъ къ той же группѣ.

**) Тонга-Тапу и Вавао — два главныхъ острова въ группѣ оо. Тонга.

Кружились въ небѣ легкія бури, кружился корабль Теагни-агни по соленому морю, били дожди и прядали ураганы.

Ничего не нашелъ Теагни-агни для себя самого и, разбитый и хмурый, причалилъ обратно къ острову Мангарева.

— Отецъ мой! — сказалъ онъ Нуа. — Не видишь ли ты своимъ внутреннимъ окомъ хорошей земли, годной и мнѣ во владѣнье?

— Вижу — отвѣтилъ отецъ. — Еще много, много земель скрываютъ отъ насъ синія бездны. Поѣзжай за ними, герой!

И, помолчавъ, застылъ Теагни-агни, словно прислушиваясь къ бурѣ, идущей вдали, и промолвилъ:

— Или думаешь ты, что волны и вѣтры не довольно били по этому тѣлу и кожа моя еще не выжжена пылающимъ солнцемъ, какъ водоросли на пескѣ?

Раньше — помнишь? — любилъ я пляски, отецъ. Нынѣ дикая пляска сердитаго моря изгнала изъ сердца эту охоту.

Раньше — помнишь? — любилъ я пѣсни, отецъ.

Теперь только буря гудитъ въ моихъ просоленныхъ ушахъ и самый голосъ мой грубъ, какъ завыванье смерчей, какъ вздыхающій зовъ вѣтровъ Токарау.

Нѣтъ — я усталъ отъ странствій отецъ! —

И онъ поселился на островѣ Тараваи въ помѣстьяхъ своей любимой сестры.

II

Услышавъ про подвиги Теагни-агни, одинъ изъ властителей Мангаревы, Поатуто, оснастилъ великое судно и, узнавъ, что путь морякамъ вначалѣ лежалъ по восходному солнцу, отправилъ своего могучаго сына на поиски острова Рапануи.

Нашелъ Рапануи сынъ Поатуто и, замѣтивъ на склонахъ великое множество статуй безвѣстныхъ боговъ, вложилъ въ свое сердце гордую, злую хитрость.

Найдя старшаго сына Нуа, что уже жилъ здѣсь, трудясь и воздѣлывая почву, пришлецъ надменно спросилъ его:

— Какъ ты посмѣлъ взять мой островъ, не спросивши владѣльца?

— Я на островѣ этомъ живу уже скоро два года — въ негодованьи отвѣтилъ ему сынъ Нуа. — Видишь дерево Кауверики? Я привезъ его съ Мангарева, когда оно было малымъ росткомъ, — теперь же оно покрываетъ насъ легкою тѣнью.

— Лгунъ! — усмѣхнулся сынъ Поатуто. — А видѣлъ ты сотни идоловъ, что украшаютъ мой островъ? Когда я былъ здѣсь впервые, я привезъ сюда малаго идольчика и посадилъ его въ землю. Теперь посмотри, какъ поднялся его каменный родъ!

— Много слышалъ я птицъ, что кричатъ надъ моремъ безъ толка, но никогда не слыхалъ еще такой болтовни — отвѣтилъ сынъ слѣпого Нуа. — Пойдемъ-ка разспросимъ объ истинной правдѣ у самихъ изваяній.

И вышли два человѣка на склонъ, гдѣ, застывъ въ молчаньи ненарушимомъ, поднималось великое множество каменныхъ статуй.

— Вотъ онъ! — захвасталъ сынъ Поатуто, похлопавъ по каменной ногѣ исполина. Онъ начинатель всего ихъ семейства. Его посадилъ я здѣсь въ землю нѣсколько лѣтъ назадъ!

И тутъ совершилось грозное чудо.

Странно сверкнувъ очами, идолъ поднялъ могучую руку и ударилъ по головѣ хвастливаго сына Поатуто — и тотъ, мгновенно уменьшась, сталъ карликомъ еле видимымъ.

Закричавши тоненькимъ голоскомъ, онъ пробѣ-

жалъ мимо гигантовъ, какъ побитый пѣтухъ, къ своему кораблю и, забившись среди веревокъ, въ страхѣ отчалилъ немедля.

III

Поатуто въ это время, сидя на Мангаревѣ, велъ нехорошій споръ.

Былъ у него богатырь Маріа Тарароа.

Жилъ онъ на самой вершинѣ горы и все время, издавна, просилъ своего властелина дать ему землю внизу, ибо на горахъ, средь скалъ, ему было неудобно и тѣсно.

—Какъ я могу тебѣ дать нижнюю землю, если тяжесть твоя безмѣрна? Ты поселишься здѣсь и, идя, повалишь всѣ хаты и по всей полосѣ у воды пробуравишь ногами глубокія дыры — отвѣчалъ богатырю жадный Поатуто.

Разсердился тогда богатырь — и, покинувъ Поатуто, поѣхалъ искать счастья на морѣ; послѣ долгихъ скитаній увидѣлъ онъ островъ Ангауру и поселился на немъ вмѣстѣ съ прибывшимъ ранѣе третьимъ сыномъ слѣпого Нуа и стали жить они въ счастьи и дружбѣ.

А послѣ отъѣзда богатыря, Поатуто, уже беззащитный и разбитый врагами, самъ принужденъ былъ постыдно бѣжать; по пути онъ встрѣтилъ быстрое судно своего возвращавшагося сына.

—Теперь онъ меня защититъ!—радостно закричалъ Поатуто своимъ слугамъ. — Могуча рука его и умъ его быстръ! Здорово, сынокъ! Какъ живешь? Охъ, какъ нужна для меня твоя богатырская сила!

Когда сошлись корабли и Поатуто изумленный, увидѣлъ несчастнаго, жалкаго карлу, долго не могъ

онъ вымолвить слова — и, наконецъ, завопилъ изступленно:

—Поворачивай руль. Ѣдемъ на Рапануи!

IV

Ночью пристали они. Два костра горѣло у дома сына стараго Нуа.

Собака лаяла у ограды и дѣтскій плачъ звучалъ въ тишинѣ.

Первенца своего въ эту ночь принимали островитяне.

Не нарушилъ ихъ счастливаго мира Поатуто.

Не на нихъ — на страшныхъ, невѣдомыхъ идоловъ шелъ онъ великой войною и, подступивъ въ темнотѣ къ изваяніямъ, закричалъ голосомъ налитымъ кровью:

—Дьяволы! За что даровали вы такое злое уродство моему любимому сыну?

—За то, что онъ лгалъ—въ безмолвіи ночи отвѣтилъ каменный голосъ.

—Всѣ лгуть! — еще бѣшенѣй закричалъ Поатуто. —Лжетъ король, отнимая у нищаго землю, лжетъ мать, выхваливая дочку жениху, лжетъ ребенокъ, укравшій плодъ и захваченный въ саду у сосѣда. И вы лжете, чурбаны, если хотите внушить намъ, что правдою движется міръ.

Тогда заходила земля отъ могучаго шага и исполины, сойдясь, окружили Поатуто и его людей.

— Бейте ихъ! —завопилъ Поатуто въ изступленьи. — Бросайте въ нихъ копья, крушите ихъ тучами стрѣлъ!

Стрѣлы посыпались и отскочили отъ каменныхъ тѣлъ и, вздохнувъ тяжело, еще тѣснѣе столпилось страшное войско.

Въ ужасѣ скрылись на судно всѣ воины Поатуто

—лишь одинъ онъ съ карликомъ сыномъ стоялъ средь гигантовъ, освѣщенныхъ полной луной, и ругалъ и кричалъ, проклиная, пока исполинская длань, покрывши долины огромною тѣнью, не схватила безумцевъ и не швырнула чрезъ островъ прямо на пляшущій въ морѣ корабль.

Заколебались водныя горы—и погибъ Поатуто съ кораблемъ и со всѣмъ войскомъ.

Такъ закончился бунтъ человѣка противъ извѣчной правды боговъ...

И утро взошло, сіяя голубому счастью вселенной.

Въ прежнемъ безстрастьи на старыхъ своихъ мѣстахъ снова высились каменныя изваянья, какъ будутъ стоять они до скончанія вѣка, покуда великій Мауи не устанетъ держать на плечахъ своихъ тяжкую древнюю землю*).

...Послѣ бѣгства Поатуто на островѣ Мангарева возродилась прежняя тихая жизнь.

Лишь Теагни-агни былъ безутѣшенъ: не хотѣлъ онъ жить вѣчнымъ гостемъ во владѣньяхъ сестры, хотѣлъ онъ земли для себя самого и, видя горе его, старый Нуа открылъ ему тайно:

—Все человѣку возможно, Теагни-агни. Ходить по кипящимъ волнамъ и срывать съ неба звѣзды, какъ цвѣты срываетъ съ деревьевъ идущій на пиръ; спускаться въ вѣчную ночь и возноситься подъ небо,

---

*) Гигантъ Мауи (Mahui) — полинезійскій Атласъ — по преданію выудилъ землю изъ океана, но оторвалась его леса и земля разбилась на мелкія части.

Чтобы она не исчезла обратно подъ водою и не пропала для смертныхъ — Мауи самоотверженно скакнулъ въ глубины и до сихъ поръ поддерживаетъ землю на своихъ плечахъ.

Во время землетрясеній жители говорятъ: „Это Мауи усталъ, у него дрожатъ плечи“!

туда, гдѣ живутъ великіе духи. Все человѣку возможно, если умъ его твердъ и прямъ, и не разбита воля его сладкой, дурною жизнью. Ты, нашедшій восемь великихъ земель — неужель ты не можешь создать для себя самого хоть малую землю?

И вышелъ Теагни-агни въ открытое море и возмутивши бурныя воды, создалъ себѣ около острова Тараваи маленькій островокъ Анка-уйта, гдѣ и прожилъ свой вѣкъ, любимый людьми и свободный какъ океанская птица.

ЛЕГЕНДА О ХРАБРОМЪ МАКОИ И О ЧУДЕСНОМЪ ЦВѢТКѢ РИТІЯ.

Жилъ-былъ злой человѣкъ съ женой своей Атамъ-вагинэ.

Родился у нихъ сынъ и Атамъ былъ очень этимъ недоволенъ.

Онъ ходилъ около дома и все грозилъ убить своего ребенка, потому что на самой груди у дитя были два родимыхъ пятна, похожихъ на странную птицу, и отецъ, увидѣвъ въ этомъ дурную примѣту, испугался за себя самого.

Такъ устрашилась Адамъ-вагинэ словами сердитаго мужа, что ночью, вскочивъ съ постели, схватила младенца и, отнеся въ другую деревню, положила его у дома одинокаго старика.

Услышавъ дѣтскій плачъ на дворѣ, вышелъ старикъ и съ радостью принявъ дитя, воспиталъ его, какъ родного.

„Макои, подаренный ночью“ — далъ онъ имя ему.

Прошли долгіе годы.

Старились люди и выростали другіе, пальмы дава-

ли орѣхи и каждое утро рождался блистательный день, чтобы погаснуть благословенною ночью.

И второй сынъ родился у Атама—на этотъ разъ безо всякихъ ему непонятныхъ примѣтъ—и остался доволенъ Атамъ и дитятею и даже самимъ собою.

Въ тѣ далекіе дни правилъ на Мангарева добрый король Рики.

Услышалъ какъ то король, что на островѣ въ горахъ растетъ удивительный цвѣтъ Ритія. Если вдохнешь его ароматъ,—откроются сердцу многія тайны и человѣкъ станетъ всевидящъ, какъ самый могучій волшебникъ.

Не долго думая, король объявилъ по всей Мангаревѣ, что тотъ, кто принесетъ ему цвѣтокъ Ритія, будетъ названъ имъ княземъ, равнымъ ему, и онъ дастъ ему въ жены единственную свою красавицу-дочку.

И толпы народа отправились въ горы за чуднымъ цвѣткомъ.

Каждый день Макои, жившій по дорогѣ въ ущельи, видѣлъ какъ около дома его проходили старцы и юноши, даже любопытныя дѣти, и всѣ они несли великое множество самыхъ различныхъ цвѣтовъ, малыхъ, большихъ, простыхъ и красивыхъ, но никто не вернулся съ цвѣткомъ Ритія.

Ставъ уже юношей, второй сынъ Атама тоже пошелъ за счастьемъ и по дорогѣ задержался около хижины, гдѣ сидѣлъ безвѣстный ему, его собственный братъ.

—Вечеръ спадаетъ на землю—замѣтилъ Макои путнику, взглянувши на небо.—Ночью въ этихъ мѣстахъ дикіе кабаны выбѣгаютъ изъ своихъ логовищъ и идти тебѣ въ горы не безопасно. Останься съ нами переночевать.

А утромъ, взглянувъ на двухъ молодыхъ людей, пріемный отецъ Макои сказалъ ему твердо:

—Сынъ мой. Пришла и твоя пора попытать невѣрную удачу земную. Тебѣ есть хорошій попутчикъ. Иди съ нимъ за цвѣткомъ Ритія. Я—одинъ человѣкъ на землѣ, что можетъ открыть вамъ истинную дорогу. Вотъ какъ лежитъ она. Когда окончится чаща, въ глубокомъ ущельи ты увидишь три узкихъ тропинки. Справа и слѣва тамъ стоятъ два коварные старца и они запоютъ вамъ со сладкой улыбкой: —„Сюда путь къ цвѣтку Ритія“—и страшнымъ нагорнымъ вѣтромъ преградятъ вамъ путь посединѣ.

Тогда вы отвѣтите имъ: — Пустите насъ, милые старцы! За нами идетъ, какъ дѣвушка по цвѣтамъ, сама нетлѣнная юность. Коснитесь одежды ея — и вы снова станете такъ же молоды и могучи, какъ были когда-то.

Побѣгутъ за видѣніемъ юности вѣчной коварные старцы, забудутъ о васъ— и вы смѣло войдете по средней тропинкѣ на высокія скалы. Могучая древняя птица сидитъ тамъ отъ вѣка. Цвѣтокъ Ритія растетъ на ея головѣ...

Вышелъ Макои съ братомъ и, обманувъ растерянныхъ стражей, подкрался къ таинственной птицѣ и тонкой расщепленной тростью вырвалъ чудодѣйственный цвѣтъ.

Тогда, распахнувъ исполинскія крылья, съ жалобнымъ клекотомъ птица поднялась въ поднебесье — и тяжкая буря, кружа деревья, какъ легкія листья, заухала по ущельямъ. Камни, прыгая, покатились по склонамъ; загромыхалъ сверкающій дождь; но крѣпко вцѣпившись руками въ скалу, Макои лежалъ неподвижно.

Наконецъ, буря утихла и птица въ изнеможеньи упала на землю.

—Я сидѣла здѣсь тысячи лѣтъ—заплакала она горькими слезами.—Народы рождались и исчезали

предо мною, какъ легкая пѣна кипящихъ водъ — и никто не посмѣлъ коснуться сокровища, что я таила вѣками. Передъ твоею дерзостью юной я покоряюсь, безумецъ. Отнынѣ сама я буду твоею слугой.

И съ тѣхъ поръ неразлучно птица оберегала Макои.

Юноши встали и, обнявшись, поклялись въ вѣрности ненарушимой.

Не захотѣлъ Макои жениться на королевской дочкѣ и отдалъ другу цвѣтокъ.

Вскорѣ же, ставъ наслѣдникомъ королевства, новый князь пришелъ къ нему со своею женою и многочисленной свитой.

Макои тихо пасъ стадо въ чащѣ у дома.

— Братъ мой названный! — жарко молилъ героя его неузнанный братъ — Отправляйся за мною. Ты не знаешь, какую отраду даетъ могущество на землѣ. У меня есть десятки прислужниковъ, что не спятъ, дожидаясь моихъ приказаній. У меня есть плясуньи, что пляскою сводятъ съ ума. Если хочешь уединенія, у меня есть лѣса, гдѣ немолчно шумятъ водопады. Днемъ каждый изъ нихъ сверкаетъ тысячью радугъ, ночью они серебрятся луной какъ руно только что вымытыхъ козъ. Бери себѣ въ жены подругу княгини моей, пируй, веселись и радуйся жизни — вѣдь живемъ-то мы только однажды на этой веселой землѣ!

— Мнѣ и здѣсь хорошо — просто отвѣчалъ Макои. — Что мнѣ богатство? Тотъ богатъ, кто счастливъ, счастливъ же тотъ, кто не печалится ни о чемъ — и, повѣрь мнѣ, богаче тебя бѣдный пастухъ Макои.

— Разумно ты говоришь — тогда замѣтила птица. — Но счастливъ ты, лишь простымъ, половинчатымъ счастьемъ. Человѣкъ не цѣленъ вполнѣ, если онъ не имѣетъ достойной подруги; я нашла невѣсту тебѣ.

— Гдѣ она? — улыбнулся Макои.

— Живетъ она глубоко подъ моремъ и прекрасна какъ капля воды, освѣщенная солнцемъ.

— О! — засмѣялся Макои. — Весьма неудобная мнѣ жена. Нѣтъ, ужъ лучше ты выбери мнѣ такую невѣсту, что можетъ ходить, а не плавать.

— Помилуй! — пожала крыломъ оскорбленная птица. — Она такъ же двунога, какъ ты и какъ я. Садись на меня, — и Макои, сѣвъ птицѣ на спину, поднялся за облака.

Забились могучія крылья, съ шумомъ стали откатываться волны, завертѣлась воронка взбаламученныхъ водъ — и птица камнемъ спустилась въ воронку на обнаженное дно.

Когда юноша снова взглянулъ, онъ увидѣлъ, что стоитъ въ огромной бирюзовой пещерѣ, закрытой кораллами, водорослями, кучей погибшихъ листьевъ, а за листвою, на мягкомъ и мшистомъ ложѣ, спитъ нагая красавица, голубая какъ небеса.

Долго кликалъ ее Макои — красавица не просыпалась.

Тогда вынулъ онъ лепестокъ цвѣтка Ритія — и красавица поднялась съ мягкаго ложа и промолвила удивленно:

— Какая чудесная птица! Какой замѣчательный юноша!

И весело бросилась имъ навстрѣчу.

Они уже были готовы умчаться съ нею на землю, какъ вся пещера озарилась зеленымъ огнемъ и, съ великимъ трудомъ неся свою пышную толщину, въ сопровожденіи пестрой свиты служанокъ своихъ подводныхъ, чудовищъ и принцессъ, показалась мамаша спавшей царевны, сама королева моря.

Одѣта она была весьма богато.

На головѣ ея сверкала морская звѣзда, а на толстомъ, могучемъ тѣлѣ блестѣла тончайшая мантія изъ

самой чистой, самой прозрачной воды, украшенной бѣлыми пузырьками.

—Что ты ищешь здѣсь, смертный?—немного гнусавя, ласково вопросила мамаша.

—Я прошу у тебя твою дочку—отвѣтилъ Макои.

Дочку?—изумилась старуха.—Вѣроятно, ты полюбилъ ее, еще не видавши меня. Теперь оглянись-ка получше.

И старая королева моря, блестя своимъ удивительнымъ платьемъ, важно повернулась передъ земнороднымъ.

—Дорогая мамаша—помолчавъ, запинаясь пробормоталъ Макои.—Ты конечно красивѣе дочки твоей, но я не ищу красоты. Я ищу...

—Понимаю,—свысока поглядѣла королева моря.

И, обратившись къ сопровождавшимъ ее рыбамъ, прогнусила съ пренебреженьемъ:

—Что за странные взгляды у этихъ пришельцевъ земли!—Еще сто лѣтъ назадъ король океанскихъ китовъ предлагалъ мнѣ осчастливить его бракомъ. Я отказалась тогда,—но то былъ король китовъ, а не мозглякъ земнородный. Хорошо же, несчастный!—обратилась она снова къ Макои. Взять мою дочку доступно лишь за какой-нибудь безсмертный поступокъ. Можешь ли ты отсюда зазвучать въ невидимый колоколъ въ небѣ—въ этомъ великомъ Ничто, простертомъ надъ нами—и такъ зазвучать, чтобы мы слышали гулъ подъ водою?

—Могу,—смѣло отвѣтилъ Макои.

Утромъ птица улетѣла подъ самое небо—и вотъ оттуда тяжкимъ наливчатымъ гуломъ донесся таинственный звонъ—да все ярче, все гуще. Скоро вся вода закипѣла отъ страшнаго гуда, въ ужасѣ заметались рыбы, крабы попрятались въ норы, кашалоты схоронились за подводныя скалы, а самъ король ки-

товъ, подпрыгивая при каждомъ звукѣ, прибѣжалъ къ королевѣ моря и запросилъ пощады.

Одна, безъ торжественной свиты, королева помчалась къ Макои и воскликнула, задыхаясь:

—Останови, останови на минутку! Ухъ, какъ ты меня напугалъ! Теперь я вижу, что и ты малый не промахъ. Бери, пожалуйста, дочку—и убирайся во свояси.

И вѣрная птица подняла молодыхъ изъ подводнаго царства прямо къ королевскому дому.

Такъ вотъ онъ гдѣ пропадалъ! — восхитился братъ Макои, мужъ королевской дочки. — Красива невѣста твоя необычайной красою и даже я былъ бы не прочь помѣняться съ тобою мѣстомъ. Теперь позволь называть мнѣ ее своею сестрою, какъ тебя величаю я названнымъ братомъ.

—Вы же братья не только по дружбѣ, но и по крови — гулко провѣщала птица. — Спроси Атама, отца твоего, что сдѣлалъ онъ съ первымъ своимъ ребенкомъ.

Все узналось вскорѣ.

Въ ужасѣ и въ стыдѣ скрылся Атамъ, недостойный отецъ, Макои поженился на подводной принцессѣ и изъ преславнаго рода вышли пловцы, побѣждавшіе ловкостью рыбъ, моряки, что открыли намъ дальнія, неизвѣстныя земли и герои, что съ легкой улыбкой непреклонно встрѣчали смерть...

ЛЕГЕНДА О ЮНОШѢ МАНУ
и
ДВУХЪ ЗАПОВѢДНЫХЪ КОРОЛЕВСТВАХЪ.

Никто не могъ сказать, почему прибылъ на Мангарева юноша Ману изъ Королевства Волшебнаго Сна. Онъ ходилъ по берегамъ, словно спрашивая вѣтеръ, какъ тотъ, кто не знаетъ, что ему нужно дѣлать — и смѣялись надъ нимъ люди.

Было ясное утро, когда къ юношѣ подошелъ невѣдомый человѣкъ.

Человѣкъ спокойно сѣлъ рядомъ съ нимъ, свистнулъ тихо — и тотчасъ же Ману, восхищенный, увидѣлъ необычныя земли и чудный народъ, появившійся въ облакахъ.

Когда видѣнье пропало, невѣдомый человѣкъ покосился на юношу и промолвилъ:

— Ты еще не видѣлъ всего.

Онъ взмахнулъ сухой, костлявой рукою, — и въ облакѣ, несомомъ вѣтромъ, показалась дѣвушка съ такимъ прекраснымъ лицомъ, что Ману, вскочивъ, закричалъ человѣку:

—Отдай мнѣ ее. Я тебѣ подарю за нее все, что ты хочешь.

—Что же ты мнѣ подаришь?—лукаво сказалъ человѣкъ.—Эта дѣвушка дочка моя, а самъ я живу въ пустынномъ таинственномъ мѣстѣ. Если ты за восемь дней дойдешь до самаго моего дома—красавица будетъ твоею.

И исчезъ въ воздухѣ, словно растаялъ отъ жары.

Пять дней юноша безплодно ходилъ по всѣмъ ущельямъ и закоулкамъ острова, спрашивая, гдѣ живетъ человѣкъ, что однимъ свистомъ можетъ превращать облака въ счастливыя земли.

Маленькая хижинка встрѣтилась путнику у входа въ дремучій лѣсъ. Въ хижинѣ сидѣла старая женщина, занимавшаяся удивительнымъ дѣломъ:

Она ловила закатные лучи и, скручивая ихъ въ золотыя нити, обвивала свое жилище сіяющей оградой.

—Куда идешь, Ману?—спросила женщина, словно давно его знала.

И Ману разсказалъ ей о встрѣчѣ съ невѣдомымъ человѣкомъ и о красавицѣ, увидѣнной въ облакахъ.

Словивъ послѣдній лучъ, женщина окрутила имъ юношу и сказала:

—Это тебѣ на счастье, смѣльчакъ, ибо отецъ твоей любимой есть мучитель отважный и тонкій. А жена его, колдунья, страшнѣе его самого. Она хотѣла погубить и свою дочку, но я дала дѣвушкѣ даръ превращенія и сейчасъ она легкой птицей летаетъ по всему острову, чтобы избѣгнуть вѣдьмы и колдуна.

Если хочешь видѣть ее, пойди завтра утромъ къ источнику неподалеку и спрячься за листвою. Десять легкихъ зеленыхъ птицъ прилетятъ къ свѣжей водѣ—одиннадцатая будетъ голубая.

Онѣ превратятся въ дѣвушекъ, станутъ играть въ водѣ и всѣ онѣ будутъ одинаково прекрасны, но ты

отличишь ту, что ищешь, по волшебному каменному кольцу.

Придя наутро къ источнику, юноша, дѣйствительно, увидѣлъ, какъ одиннадцать веселыхъ птицъ превратились въ юныхъ красавицъ, — и когда онѣ еще плескались звонкой влагой, схватилъ ту, что носила кольцо.

— Зачѣмъ ты поймалъ меня? — спросила красавица.

— Я видѣлъ образъ твой въ облакахъ и полюбилъ тебя, — отвѣчалъ Ману — скажи, гдѣ живетъ твой отецъ? Я хочу взять тебя отъ него въ Королевство Волшебнаго Сна. Какъ твое имя?

— Питорита! — отвѣтила дѣвушка. — А мой отецъ живетъ вотъ тамъ, на горѣ! — и, превратившись въ птицу, вырвалась и исчезла за тучей.

Юноша весело отправился къ дому колдуна — и вступилъ въ непроходимыя чащи.

— Чую запахъ твой — услышалъ онъ ликующій голосъ издалека. — Ты нашелъ меня, ловкій человѣкъ, но по уговору, ты долженъ дойти до самого моего дома. Расчисти себѣ путь — и Питорита будетъ твоею.

Откуда то острый каменный топоръ появился у ногъ Ману и юноша взялся за работу.

Но вмѣсто каждаго срубленнаго имъ дерева, появлялись новыхъ три, и къ вечеру Ману увидѣлъ себя окруженнымъ глухими дебрями, откуда уже никуда не было дороги.

— Питорита — наконецъ, тихо позвалъ онъ и заслышалъ свистъ крыльевъ надъ собою.

Легкой птицей пролетѣвъ черезъ чащу, Питорита спустилась къ Ману и давъ ему два зерна дерева Кіапи, превратила юношу въ малаго птенчика и, посадивъ его себѣ на спину, вылетѣла изъ лѣса.

— Если увидишь радугу позади насъ — это мой отецъ мчится въ погонѣ за нами — тогда скорѣе бросай зернышко Кіапи.

Вскорѣ огромная радуга, несомая чернымъ дождемъ, встала въ сверкающемъ небѣ. Ману бросилъ зернышко—и завѣса тяжелыхъ ліанъ поднялась отъ земли до тучъ—и скрыла радугу за собою.

—Поймалъ ли ты ихъ?—спросила вѣдьма вернувшагося колдуна.

—Нѣтъ. Я встрѣтилъ невиданный лѣсъ по дорогѣ—отдуваясь отвѣтилъ усталый колдунъ.

—Дуракъ—закричала хитрая вѣдьма на мужа.—Развѣ не могло придти въ твою глупую голову, что они сами закрыли себя этимъ лѣсомъ—и, ударивъ мужа по лбу каменною болтушкой, сама бросилась въ погоню.

—Лучше смотри—снова сказала Питорита, пролетая съ Ману надъ послѣдними мысами острова.—Если увидишь столбъ огня—знай, что это мать моя мчится за нами. Тогда скорѣе скушай зернышко Кіапи.

Запримѣтивъ крутящійся огненный столбъ, Ману проглотилъ второе зерно—и, тихо спустившись въ устье горной рѣки, превратился въ тонкій стебель, поддерживающій чудесный водный цвѣтокъ.

А цвѣткомъ этимъ была сама Питорита.

До вечера надъ землею и моремъ бѣсновался огненный столбъ. Наконецъ, поджегши лѣса и занявъ полнеба дымомъ и багряной зарею, вѣдьма въ бѣшенствѣ возвратилась въ свой домъ.

Тѣмъ временемъ люди-птицы прибыли къ великой воздушной странѣ, простертой между небомъ и землею.

За маревомъ легкихъ желтыхъ песковъ, усѣянныя пальмами, какъ миражи поднимались два королевства—и одно изъ нихъ было Королевствомъ Волшебнаго Сна, другое—Королевствомъ Неутоленной Грусти.

Подойдя къ высокимъ вратамъ Королевства Волшебнаго Сна, Ману отправился одинъ за ограду, дабы

достать отъ правителя позволеніе взять съ собою невѣсту.

—Не прикасайся челомъ своимъ ни къ кому изъ тѣхъ, кто тебя любитъ—вздохнула Питорита, провожая друга,—иначе ты навѣки забудешь меня!

Весело дошелъ до своего дома Ману—и тутъ самый любимый песъ его съ радостнымъ лаемъ бросился ему навстрѣчу и, скакнувъ ему на грудь—лизнулъ его прямо въ лобъ.

И тотчасъ же все позабылъ Ману: и Питориту и то, что случилось съ нимъ на островѣ Мангарева, словно онъ никогда не покидалъ своей страны.

Не дождавшись милаго до вечера, Питорита поняла несчастье—и такъ какъ ей некуда было идти, медленно отправилась къ Королевству Грусти.

По дорогѣ она встрѣтила трехъ дѣвушекъ, пѣвшихъ странныя пѣсни.

—Вотъ идетъ наша новая подруга—промолвили дѣвушки, блестя огромными глазами.—Она также безумна отъ любви, какъ и мы.

И Питорита вошла въ призрачное королевство.

Какъ и всѣ жившіе тамъ, она бродила по землѣ, не знающей утоленія, и ночью, очнувшись отъ страшныхъ сновъ, съ ужасомъ вступала въ вереницы неспящихъ тѣней, тоскующихъ подъ высокими пальмами, озаренными холоднымъ, но сжигающимъ луннымъ свѣтомъ.

Вскорѣ изъ Королевства Волшебнаго Сна на крылатомъ конѣ прискакалъ посланецъ и заказалъ два свадебныхъ вѣнка для своей принцессы и ея жениха, обѣщавъ той, что сплететъ лучшій вѣнокъ, дать доступъ на ихъ веселую свадьбу.

И безумныя отъ любви стали плести вѣнки для влюбленныхъ.

Изъ тысячъ и тысячъ ихъ посланецъ выб-

ралъ именно тѣ, что были сдѣланы Питоритой.

—Какъ имя жениха?—спросила она посланца, получая отъ него тонкое перо какъ пропускъ на свадебное празднество.

—Ману!—отвѣтилъ посланецъ, поднимаясь на конѣ подъ облака.

Тогда Питорита чарами своего волшебнаго кольца раздобыла изъ воздуха самое лучшее одѣяніе, самые нѣжные ароматы, самую чистую воду для купанья —и умастивъ прекрасное тѣло свое, пошла на свадьбу въ Королевство Волшебнаго Сна.

Деревья, огромныя какъ закатныя облака, поднимались передъ нею въ тишинѣ, таинственной и ненарушимой.

Нежурчащія рѣки, блестя, струились по лугамъ, отягощеннымъ цвѣтами.

Непоющія птицы сверкали въ зарослях—и люди шли по землѣ, словно плыли по вѣтру.

На мараэ, передъ статуей невѣдомаго бога, правили торжественный свадебный обрядъ.

Внезапно, взглянувъ на шедшую Питориту, женихъ Ману вскрикнулъ и—къ удивленію всѣхъ, какъ зачарованный, покинулъ невѣсту и, выйдя изъ круга, всталъ передъ дѣвушкой, силясь что то сказать и мучительно припоминая.

—Гдѣ я видѣлъ твою красоту?—наконецъ, прошепталъ Ману.—Въ лѣсу, на водѣ или въ небѣ?

—И въ небѣ, и въ водахъ, и въ глухомъ колдовскомъ лѣсу—отвѣтила дѣвушка со слезами.

—Какъ же зовутъ тебя?—снова прошепталъ Ману-акиаки.

—Питорита—заплакала дѣвушка горько.

—Питорита! Я нашелъ ее! Вотъ она, моя настоящая невѣста!—воскликнулъ Ману.—И обратившись къ изумленному народу, продолжалъ упоенно:

— Я не знаю какъ въ сердце вошло мнѣ такое забвенье. Три раза дѣвушка эта спасала мнѣ жизнь! Я былъ обрученъ съ нею тамъ, на землѣ, на красивомъ островѣ Мангарева. Пощади насъ, великій король! Именемъ прежде даннаго слова, освободи меня отъ брака съ прекрасною дочкой твоею.

И въ общемъ молчаньи холодно отвѣтилъ король:

— Нельзя не щадить влюбленныхъ, ибо всѣ они пылки и слабы разсудкомъ. Пусть такъ! Но за безчестіе дочки моей, я дарю тебя вѣчнымъ изгнаньемъ.

И Королевство Волшебнаго Сна медленно поднялось на воздухъ и, закутавшись въ золото тучъ, исчезло въ облакахъ безвозвратно.

А Ману съ Питоритой прибылъ въ Мангарева и тамъ, на солнечныхъ берегахъ, построилъ малое Королевство Нѣжной Любви — ихъ единое долгое счастье...

ЛЕГЕНДА О МАВИКУ
И НАСЛѢДЬИ ОТЦОВЪ.

Мавику, самый несчастный изъ всѣхъ сиротъ Мангарева былъ хмуръ какъ одичавшій свиненокъ.

Жилъ онъ подъ деревомъ, прямо у моря, и глядя уродливой рожицей въ облака, на воду, въ закаты, —думалъ о чемъ-то, тяжко, утомительно думалъ.

Но о чемъ—никто не могъ догадаться.

Когда онъ подросъ и безпріютно шатался по пыльнымъ дорогамъ, встрѣтилъ его король—и изъ жалости взялъ сторожить свой птичникъ.

Тамъ отъ слугъ узналъ Мавику, что даже король на землѣ не первый властитель и что каждую дочку свою, достигшую шестнадцати весенъ, онъ обязанъ давать какъ дань, страшному звѣрю, живущему на горѣ.

Всѣ дни проводилъ Мавику среди куръ, голубыхъ голубей и крикливыхъ утокъ: иногда ставилъ свой парусъ и отъѣзжалъ на дальніе острова, гдѣ плодились дикія птицы.

Обобравши ихъ гнѣзда и нагрузивши пирогу кучею свѣжихъ яицъ, Мавику молчаливо возвращался обратно.

Однажды, ѣдучи ночью домой, онъ увидѣлъ, какъ сзади пироги плыветъ свѣтлая тѣнь человѣка со странно знакомымъ лицомъ.

Съ испуга упалъ Мавику на днище и, крича, забилъ въ колотушку, чтобы прогнать злого духа.

—Не пугайся—сказало видѣнье—и тихо сѣло рядомъ въ пирогу.

Мавику спрыгнулъ отъ ужаса въ воду, но Духъ повернулъ пирогу за нимъ и вымолвилъ съ горестью:

—Когда я жилъ на землѣ—я не бѣгалъ отъ меня породившихъ. Иль не узналъ ты отца своего, Мавику?

Дрожа, Мавику влѣзъ обратно въ пирогу и хрипло спросилъ:—Можетъ, ты лжешь, Тупапау*)? Я совсѣмъ не помню отца. Онъ умеръ, когда я еще былъ дитятей.

—Если бъ я не любилъ тебя, пришелъ ли бы я на эти скучныя воды изъ Благоуханнаго Неба, Рохуту Ноа Ноа?—промолвилъ сидящій.—Слушай! Въ глубокій источникъ близъ нашего стараго дома я положилъ таинственный поясъ, наслѣдье твоихъ отцовъ. Лежитъ онъ далеко на днѣ, закрытый травою и тиной. Найди его и—убогій звѣренышъ—ты сдѣлаешься человѣкомъ.

И сидѣвшій медленно сталъ возноситься въ Благоуханное Небо, Рохуту Ноа Ноа; скоро звѣздный свѣтъ проблисталъ черезъ него, какъ сквозь легкую тучу—и онъ скрылся.

Найдя заросшій огромными листьями цвѣтущихъ апэ**) глубокій источникъ, Мавику весь день проны-

*) « Оборотень », духъ мѣшающій людямъ.

**) Апэ — арумъ.

рялъ упорно—и не достигнувши дна, печальный возвращался къ вечерней ѣдѣ, въ тотъ плѣнительный часъ, когда засыпаетъ живое и только съ мараэ*) слышится голосъ повторителя старыхъ сказаній, безсоннаго Харепо.

Двѣ дѣвушки изумленно его остановили на дорогѣ.

—Что съ тобой, Мавику?—вскричали онѣ, не вѣря. Какъ успѣлъ ты стать такимъ чудеснымъ красавцемъ.

Подумалъ въ сердцахъ Мавику, что дѣвушки надъ нимъ смѣются, но на утро увидѣвъ въ прозрачной водѣ свое отраженіе, долго смотрѣлся въ спокойныя струи и все ухмылялся довольно: вмѣсто прежняго увальня, предъ нимъ улыбался красивый молодой человѣкъ.

Глубока была вода, но чѣмъ глубже нырялъ Мавику, тѣмъ лучше онъ становился.

Поясъ онъ все же нашелъ—и только взмахнулъ имъ, чтобъ попробовать, насколько онъ крѣпокъ,—вдругъ увидѣлъ на концѣ его яркій огонь, и въ его мерцающемъ свѣтѣ вышелъ Духъ, говорившій съ нимъ въ морѣ.

—Что тебѣ нужно?—спросилъ его Духъ.

Мавику уже зналъ, что онъ хочетъ—и попросилъ голубого козла, что могъ бы взмывать прямо подъ тучи, голубую одежду, яркую какъ огонь и обличье самаго благороднаго князя.

Въ этотъ вечеръ несчетное множество легкихъ пирогъ отплывало по бурному морю къ острову, что возвышался напротивъ—и по землѣ и по водамъ разносился горестный плачъ: королевская дочка, достигшая шестнадцати весенъ, была свезена на добычу страшному Звѣрю. Проводивъ всѣ пироги, Мавику

*) Мараэ — полинезійскій храмъ.

взмылъ на козлѣ своемъ въ поднебесье и спустился на скалы, гдѣ привязанная къ столбу, горько плакала королевна.

—Не печалься!—сказалъ Мавику, распутавъ дѣвушкѣ руки.—Лучше спой мнѣ нѣжную пѣсню и если засну я—разбуди меня передъ боемъ.

И удивленная королевна, сѣвъ у ногъ Мавику, запѣла ему тонкимъ своимъ голоскомъ—и птичникъ, отъ вѣка не слышавшій ласковыхъ словъ, упоенно заснулъ на колѣняхъ принцессы.

Вскорѣ вѣтеръ затрубилъ въ бѣшеномъ небѣ, облака загорѣлись краснымъ огнемъ—и свистя пронзительнымъ свистомъ, двуглавый сверкающій угорь прилетѣлъ словно черная молнія и, разинувши пасти, поползъ на Мавику, за которымъ пряталась королевна.

Ударилъ его поясомъ Мавику,—звѣрь зарычалъ и скрутился отъ боли.

—Чудо!—закричали люди, сторожившіе на пирогахъ.—Чудо!—Герой спасъ королевскую дочку!

И взаправду—медленно взвившись на воздухъ, звѣрь помчался обратно домой.

—Какъ имя твое, Избавитель?—королевна спросила въ слезахъ.

—Меня зовутъ Человѣкомъ—сказалъ Мавику—и получивши на память отъ дѣвушки каменное кольцо, исчезъ въ клубящихся тучахъ, скакнувъ до самаго логова звѣря.

Въ глубокомъ ущельи, сожженномъ ѣдкимъ огнемъ, увидалъ онъ двѣ темныхъ пещеры; изъ каждой смотрѣла отвратная морда и дышала съ великимъ сопѣньемъ, какъ будто вздыхалъ океанъ.

Наверху же, на скалахъ, сидѣло безсчетное множество птицъ, кричавшихъ протяжно.

Увидавъ, что одна звѣриная морда слѣпа и беззуба, Мавику обмоталъ ее крѣпкой веревкой, связалъ съ

другой головой — и крикнувши птицъ за собой, въ прежнемъ своемъ обличьѣ, съ цѣлой тучею ихъ спустился въ свой шумный птичникъ.

— Откуда привелъ ты такое количество птицъ? — спросилъ его удивленно начальникъ.

— Чудо! — хитро подмигнулъ Мавику. — Лишь вчера я поймалъ единую пару, вечеромъ они нанесли цѣлую гору яицъ, сегодня утромъ вылупились птенцы — и — смотри — уже всѣ летаютъ!

— Мавику! — Эти птицы волшебны — подпрыгнулъ глупый начальникъ. — Я поймаю сейчасъ же шесть паръ — завтра будетъ у насъ въ шесть разъ больше!

Поймалъ глупый начальникъ шесть паръ — и ни одна не высидѣла ни цыпленка.

Черезъ годъ вторая королевская дочка была свезена на островъ и снова собрался народъ и Мавику уже на красномъ козлѣ, въ одеждѣ красной какъ закатное небо, скакнулъ къ ней — и выслушавъ новую пѣсню, спасъ королевну отъ звѣря и получилъ отъ нея новое каменное кольцо.

Много дней вслѣдъ за этимъ гонцы короля обходили всѣ дальнія и ближнія земли, разыскивая героя — и вернулись ни съ чѣмъ.

Зато дѣвушки, каждый вечеръ глядя на небо, гадали — вотъ-вотъ прилетитъ воитель отважный и, проходя мимо замазаннаго грязью Мавику, издѣвались надъ нимъ со смѣхомъ:

— Что глядишь на куриц, угланъ? Пасъ бы лучше козлятъ — авось, одинъ изъ козловъ и сдѣлалъ бы тебя героемъ. У короля есть вѣдь еще и третья дочка.

Мавику, сощуривъ очи, лишь улыбался довольно — вотъ каковъ былъ нашъ Мавику.

А третья дочка короля росла и, гадая объ избавителѣ чудномъ, полюбила его не видя. И когда пришелъ ея срокъ и встала она у столба съ завязанными

глазами, вѣря заранѣ въ неизбѣжный приходъ героя, ждала его какъ влюбленная ждетъ свиданія — со страхомъ, съ жадностью и съ надеждой.

И безмолвно, страстно ждалъ вмѣстѣ съ нею столпившійся вокругъ острова на пирогахъ народъ.

И вотъ на небѣ, сверкающемъ гнѣвомъ и бурей, показались въ одно и то же время два огненныя видѣнья: черный угорь, свивавшійся въ молнійномъ свѣтѣ, и юноша бѣлый, скакавшій на удивительно бѣломъ козлѣ.

Съ грохотомъ ударясь о землю первымъ, угорь схватилъ юную дѣву и уже собирался помчаться обратно, какъ подоспѣвъ, Мавику съ размаха прыгнулъ на спину звѣря и ударилъ его по оскаленной пасти.

Укусивъ Мавику за руку, застонало чудовище; могучія волны валами пошли отъ крика его. Угорь сжался, дохнулъ сжигающимъ ядомъ — и гремя и свергая зарницы, какъ искры, скрылся на дальней горѣ.

— Какъ зовутъ тебя и гдѣ ты живешь? — воскликнула жадно королевна, перевязывая Мавику глубокую рану кускомъ своей тапа*). — Если я не противна тебѣ, возьми, возьми меня своею женою!

— Я живу на вашей землѣ и меня зовутъ Человѣкомъ — опять сказалъ Мавику и поскакалъ вслѣдъ за чудищемъ ярымъ.

Въ горномъ ущельи онъ настигъ его и, убивъ, вторгся въ его пещеры.

Тамъ нашелъ онъ связанныхъ трехъ королей.

Первый былъ королемъ Нѣжной Луны, второй королемъ Яркаго Солнца, третій королемъ Веселаго Вѣтра.

Освободивъ ихъ, Мавику далъ королямъ Луны и

*) Тапа — единственная матерія, фабрикуемая полинезійцами изъ коры деревьевъ.

Солнца два полученныя имъ отъ прежде спасенныхъ княженъ кольца и попросилъ королей, придя во дворецъ, показать ихъ принцессамъ.

И такъ какъ на островѣ не знали ни луннаго, ни солнечнаго языка, королевскія дочки, узнавъ свои кольца, рѣшили, что нашли своихъ долгожданныхъ героевъ.

Зашумѣлъ хлѣбосольный свадебный пиръ, лишь король Веселаго Вѣтра гудѣлъ недовольно у дома: третья дочка его не взяла — не былъ онъ раненъ въ руку и не имѣлъ отданной ею повязки.

— Есть у меня птичникъ Мавику — сказалъ плачущей дѣвушкѣ начальникъ дворца. Сегодня онъ ходитъ съ завязанною рукою, но онъ грязенъ и глупъ и, повѣрь мнѣ, ужъ онъ то совсѣмъ не годится въ герои.

— Позовите его сюда — приказала королевская дочка.

И когда Мавику смущенно вошелъ во дворецъ, она, узнавъ свою тапа, бросилась его обнимать, называя его женихомъ и любимымъ.

Тутъ сталъ хохотать король, стала хохотать стража, засмѣялись даже окрестныя мухи, но Мавику, посмотрѣвши сурово, вынулъ свой поясъ, взмахнулъ имъ — и тотчасъ превратился въ красавца — и народъ умолкъ удивленно.

Другой разъ поясомъ взмахнулъ Мавику — и напротивъ дворца всталъ прекрасный многоярусный домъ, гдѣ уже все было приготовлено къ пиру.

По дому бѣгали слуги, въ раскаленныхъ камняхъ дымящихся кухонь жарились кушанья, музыканты свистѣли во флейты „виво“ — и Мавику, не говоря ни слова, ввелъ невѣсту въ свой роскошный дворецъ.

— Мавику — загудѣлъ вслѣдъ ему король Веселаго Вѣтра. — Ты могучъ, но не добръ. Ты нашелъ и себѣ и другимъ трехъ прекрасныхъ подругъ. Что же мнѣ — такъ и быть неженатымъ?

Въ третій разъ взмахнулъ Мавику — и по небу, на солнечной тучѣ, прилетѣла Облачная Дѣва.

Вскочилъ на тучу за нею король Веселаго Вѣтра, закружился, присвистнулъ, пыль завертѣлъ — и въ водномъ смерчѣ исчезъ, уносясь по пространствамъ міра.

Когда изумленье прошло и два короля съ Мавику уже веселились на свадьбѣ, стали спрашивать люди, гдѣ Мавику получилъ свою страшную силу и какъ онъ ее сохранилъ.

— Нѣтъ у меня никакой удивительной силы — задумался Мавику. — Я нашелъ лишь наслѣдье своихъ отцовъ — и научился имъ распоряжаться.

Удивились пирующіе мудрымъ словамъ, — а подъ вечеръ король Яркаго Солнца и Нѣжной Луны, взявши женъ молодыхъ, вознеслись во свои владѣнья.

И въ благодарность каждый изъ нихъ прислалъ на землю подарокъ: король Солнца далъ больше дня и тепла, больше луннаго свѣта прислалъ король Нѣжной Луны, а король Веселаго Вѣтра на добрую память по себѣ намъ отправилъ страшный, ужасный вѣтеръ, прозываемый пороро.

фотографія автора

Передъ хижиной шефа

фотографія автора

Сборъ ванили въ лѣсу

фотографія автора

„Безовуть їита
и сй пятнадцать лѣть“

фотографія автора

Флейта „Виво“

ЛЕГЕНДА
О СЧАСТЛИВОМЪ КРАСАВЦѢ ТААКИ
И О НЕВѢРНОЙ КРАСАВИЦѢ НУА.

Человѣкъ спрашивалъ у моря, гдѣ живетъ самое счастливое человѣческое существо—волны катились, трубя о иныхъ, невѣдомыхъ земляхъ.

Но это никогда не была наша земля.

Человѣкъ вопрошалъ вѣтеръ—и тотъ смѣялся ему въ отвѣтъ, ибо много видѣлъ мудрый вѣтеръ и не встрѣчалъ ни острова, ни страны, гдѣ бы не царили болѣзнь и смерть, побѣдительница міра.

Тогда вопросилъ человѣкъ жемчужину, выброшенную на песокъ—и она шепнула ему, что когда-то, на островѣ Тимоэ она была поймана красивымъ юношей Тааки и онъ считался самымъ счастливымъ изъ живущихъ подъ солнцемъ.

Слушай-же, что сказала намъ о немъ Судьба.

Тааки жилъ на островѣ Мангарева. Звали же его счастливымъ, потому что онъ былъ надѣленъ всѣми дарами земли.

Онъ былъ такъ могучъ и здоровъ, что однимъ ударомъ копья убивалъ въ водѣ самую большую акулу.

Онъ былъ такъ веселъ, что когда онъ плясалъ, людямъ казалось, что это пляшетъ сама Радость; воистину Тааки былъ самымъ лучшимъ изъ нашихъ пѣвцовъ.

Но самое чудесное дано было ему отъ рожденія: Тааки имѣлъ кожу золотую какъ небо въ разсвѣтный часъ, нѣжную, сіяющую кожу имѣлъ Тааки и къ тому же и самъ онъ былъ волшебникъ. Но такъ какъ всякое волшебство есть тайна — никто объ этомъ не зналъ — даже сама возлюбленная Тааки, красивая, легкомысленная Нуа.

Когда веселая дѣвушка любитъ — это горе для всѣхъ пѣвчихъ птицъ. Перебивая ихъ занятія, она поетъ съ утра до вечера, а когда упадутъ сумерки — она даетъ своему милому самыя невѣроятныя, причудливыя имена, сладкія, какъ тростниковый сахаръ.

Но самымъ любимымъ именемъ, даннымъ болтливой Нуа своему другу, было придуманное ею имя Тейюрэ, нѣжное, какъ голубиное воркованье.

...Передъ свадьбой Тааки рѣшилъ сдѣлать своей невѣстѣ красивый подарокъ — и отправился на островъ Тимоэ, въ былое время славившійся своими жемчугами.

Путь былъ дальній, погода стояла бурная и Тааки долго боролся съ волнами, прежде чѣмъ прибылъ на островъ.

Всего два чужеземныхъ семейства — странный бѣлолицый народъ — жили на островѣ Тимоэ.

Они слушали вѣтеръ и питались ракушками.

А вечеромъ, собравшись въ кружокъ и глядя на красное небо, пѣли заунывныя пѣсни о погибшей въ

морѣ странѣ, о ихъ царствѣ, потопленномъ волнами и о странной своей, причудливой судьбѣ.

Эти люди были красивы, какъ цвѣты, но красивѣе ихъ всѣхъ былъ юноша Теюранги и дѣвушка Марама, прозванная Луннымъ Свѣтомъ.

Въ тѣ дни, когда Тааки нырялъ за жемчужиной, Марама сидѣла на берегу, слѣдя за нимъ и подавая ему воду кокосовыхъ орѣховъ, чтобы освѣжиться.

А когда, поймавъ, наконецъ, жемчужину, крупную и блестящую, какъ утренняя звѣзда, Тааки собрался на Мангарева — дѣвушка подошла къ нему и сказала плача:

— Много огней сіяетъ на небѣ, много огней скатывается съ неба въ черный часъ. Тааки, пусть тебѣ въ Мангарева свѣтитъ твоя звѣзда — если она еще не закатилась. Если-жъ закатится — вспомни, что слезы мои горячѣе огня и соленѣй ночного моря!

Черезъ пять долгихъ лунъ разлуки — Тааки присталъ къ зеленому острову Мангарева — и никто не встрѣтилъ его на берегу.

Лишь войдя въ деревню, онъ услышалъ веселые крики: люди возвращались съ праздника. Всѣ они были украшены пиршественными вѣнками.

— Опоздалъ Тааки! — кричали они, захлебываясь отъ смѣха. — Мы только что со свадьбы твоей Нуа, взятой рыбакомъ Туку!

... Другъ мой! Когда женщины начинаютъ щебетать про свою любовь также сладко, какъ щебечетъ птица — бери глухонѣмую подругу — и ты будешь счастливѣе въ любви.

Тааки не пошелъ на пиръ. Онъ скрылся въ сосѣднемъ лѣсу — и его уже не видѣли болѣе. Вмѣсто него изъ лѣса появился древній старикъ.

Старикъ ковылялъ, опираясь на палку, и глаза его слезились и онъ спотыкался на пути.

Такъ онъ прошелъ мимо новаго дома, гдѣ сидѣла Нуа со своимъ мужемъ Туку, называя его самыми причудливыми, ею самой выдуманными именами, сладкими, какъ тростниковый сахаръ.

— Откуда ты, старикъ?—спросила Нуа, оборачиваясь въ темноту — и, сжалившись надъ печальнымъ видомъ странника, пригласила его провести ночь подъ ихъ крышей.

Поблагодаривъ, старикъ безмолвно сѣлъ въ углу.

Вдругъ Нуа сказала своему мужу:

— Любимый мой! Луна еще не взошла и рыбная ловля будетъ удачна. Я ужасно, ужасно хочу рыбы Та. Если бы ты ея сейчасъ наловилъ для своей маленькой Нуа?

Удивившись странной просьбѣ жены, захотѣвшей ѣсть тотчасъ же послѣ пира, Туку все же взялъ факелъ и гарпунъ, и выѣхалъ въ ночную лагуну.

И вотъ онъ видитъ огромное количество рыбъ, стада рыбъ, тьмы рыбъ — вода бурлитъ отъ ихъ подвижнаго кипѣнья и Туку, взволнованный какъ охотникъ, гонящійся за добычею, бьетъ со смѣхомъ одну за другой и кричитъ съ возбужденіемъ:

— Сюда рыбы! Красавица Нуа будетъ ѣсть васъ сегодня же вечеромъ! Сюда, сюда, рыбки Та!

Однако, вернувшись домой, въ полной увѣренности, что онъ везетъ цѣлыя горы добычи, Туку увидѣлъ, что въ лодкѣ ничего не было.

Удивившись навожденью, онъ зажегъ новый факелъ и опять выѣхалъ въ лагуну.

Между тѣмъ Нуа, смотря въ темноту, гдѣ плавалъ красный огонь мужа, смѣялась тихо и сладко.

— Что ты смѣешься?— спросилъ ее старикъ, сидѣвшій въ углу.

— Смѣюсь отъ счастья, — улыбнулась Нуа. — А почему ты не утираешь своихъ слезъ, старикъ?

—Я плачу о возлюбленной моей, что покинула меня, — промолвилъ старикъ тихо, и слезы еще сильнѣе стали капать по его морщинистому лицу.

— Возлюбленной?.. — звонко захохотала Нуа, чуть не падая отъ смѣха.

— Да, — строго отвѣтилъ старикъ. — Она была такъ же прекрасна и такъ же легкомысленна, какъ ты. Нуа, хозяйка моя, хотѣла бы ты пойти со мною, взявъ меня вмѣсто Туку, твоего мужа?

—Какъ звать тебя, сумасшедшій?—уже не сдерживая хохота, едва промолвила Нуа.

—Мое имя Тейюрэ, — отвѣтилъ старикъ и склонилъ глаза.

—Тейюрэ?.. Ты, слезоточивый? Какъ знаешь ты про Тейюрэ?— прошептала Нуа съ ужасомъ, переставши смѣяться.

— Мнѣ сказалъ это самъ Тейюрэ, — отвѣтилъ старикъ.

Въ это время вошелъ разсерженный и смущенный Туку.

—Я околдованъ!—закричалъ онъ входя.—Я видѣлъ тьмы темъ рыбъ — и не поймалъ ни одной! Тебѣ ничего не говорилъ этотъ странный старикъ?

—Ничего,—отвѣтила Нуа, краснѣя.

Старикъ безшумно легъ спать.

Всю эту ночь Нуа проплакала горько.

Когда второй вечеръ влажной темнотою упалъ на землю, Туку снова выѣхалъ на рыбную ловлю и, блуждая по морю, преслѣдовалъ полчища самыхъ рѣдкихъ рыбъ, изнемогая отъ нетерпѣнія — и не поймалъ ни одной.

—Нуа, скажи мнѣ, — тѣмъ временемъ спрашивалъ старикъ, сидя у дома, — идетъ ли сердце

людское за красотою или оно идетъ за любовью?

—За любовью,—отвѣтила Нуа.

—Тогда хочешь ли ты пойти за мною?

—Нѣтъ,—отвѣтила Нуа, уже не смѣясь.

И вдругъ, вмѣсто слезоточиваго старика, увидѣла самого Тааки, своего прекраснаго и печальнаго друга.

Онъ вышелъ изъ хижины, не говоря ни слова.

—Возлюбленный мой!—бросаясь вслѣдъ за нимъ по холодному прибрежному песку, кричала Нуа,—прости меня! Зачѣмъ ты испытывалъ меня, зачѣмъ ты превратился въ старика? Я не знала, что ты такой могучій!

—Песокъ—не поддержка камню,—отвѣтилъ Тааки, не оборачиваясь.

—Я буду сильной!—въ отчаяніи зарыдала Нуа, падая на землю.—Клянусь тебѣ, я буду сильной Тааки!

—Если ты сильна,—отвѣтилъ Тааки,—тогда слѣдуй за мной.

И пошелъ по волнамъ, какъ по твердой землѣ.

Нуа бросилась за нимъ—и стала тонуть. Волны выбросили ее на берегъ.

Изнеможенная, она вернулась къ себѣ домой. Тамъ уже дожидался ея мужъ, разсматривая привезенную имъ добычу.

—Я околдованъ!—закричалъ снова онъ, показывая кучу черныхъ деревяшекъ, пойманныхъ имъ вмѣсто рыбы Та.

А Тааки, вспомнивъ про свою вѣрную Марама, поставилъ свой парусъ на островъ Тимоэ, гдѣ онъ ловилъ жемчугъ.

Вечеромъ, причаливъ къ берегу и снова превратившись въ старика, онъ подошелъ къ дому красавицы.

Марама сидѣла съ юношей Теюранги и гадала о счастьи по набѣгающимъ волнамъ.

Посмотрѣвъ на старика, она улыбнулась и промолвила:

—Старикъ, мы сейчасъ гадали о счастьи по волнамъ и мнѣ море сказало, что я буду замужемъ за самымъ красивымъ человѣкомъ на землѣ.

—Ты будешь моею женою, — отвѣтилъ старикъ сурово.

И засмѣялась веселая Марама.

—Нѣтъ, я буду замужемъ за Теюранги, самымъ красивымъ юношей погибшей земли. Лучше его былъ только Тааки, но онъ уѣхалъ далеко и онъ не любитъ меня.

—А если бы я былъ Тааки, — сказалъ старикъ, поднимаясь, —любила-ли бы ты меня, такого ужаснаго какой я есть??

—Да,—отвѣтила Марама твердо.

И старикъ снова сталъ такимъ, какъ былъ Тааки —счастливымъ, съ кожей золотой, какъ закатное небо.

И взявъ Марама, онъ прибылъ съ ней къ себѣ на Мангарева.

Узнавъ о томъ, что соперникъ его снова на островѣ, мужъ Нуа, Туку, посѣтилъ самаго могущественнаго колдуна и, заколдовавъ всѣхъ рыбъ Та, тѣхъ, что онъ не могъ поймать въ два памятныхъ вечера, устроилъ большой праздникъ.

Побѣдителемъ состязаній былъ объявленъ тотъ, кто нырнетъ глубже.

И вотъ, едва Тааки, тоже приглашенный на пиръ, бросился въ глубину, всѣ рыбы Та, заколдованныя волшебникомъ, полчищами окружили Тааки и мгновенно сглодавъ его золотую кожу, сами одѣли себя въ золото и весело разсѣялись по всѣмъ концамъ океана.

Вотъ какъ появились въ первый разъ золотыя рыбы подъ водой.

Но окровавленный Тааки уже не захотѣлъ вернуться обратно на землю и добровольно пошелъ къ своей усопшей матери въ вѣчную ночь По.

—Мать!—сказалъ Тааки, пройдя по пустыннымъ переходамъ Ночи, — они называли меня счастливымъ, но на землѣ нѣтъ счастья. Дай мнѣ забвенья, вѣчнаго, безсмертнаго забвенія дай мнѣ, мать!

—Сынъ мой неразумный,—отвѣтила мать улыбаясь.—Всякое счастье нужно заслужить и только теперь ты его достоинъ.

И давъ Тааки, еще болѣе ослѣпительную кожу, отправила его обратно въ подлунный міръ, гдѣ въ возбужденіи шумѣлъ и кричалъ на берегу народъ, считая Тааки погибшимъ.

—Вотъ онъ! Вотъ онъ! Гдѣ ты пропадалъ, Тааки? — закричали люди, увидѣвъ пловца, поднявшагося надъ волнами.

—Я ходилъ за своимъ счастьемъ,—отвѣтилъ красавецъ, выходя изъ воды.—Говорятъ, всякое счастье надо заслужить. А чтобы заслужить его, я путешествовалъ довольно таки далеко.

И блестя своей новой ослѣпительной золотой кожей, весело отправился къ своему дому.

Съ этого дня Нуа покинула своего мужа.

Узнавъ отъ золотыхъ рыбокъ, что Тааки спускался за своимъ счастьемъ въ Вѣчную Ночь—она сама отправилась въ подземное царство и встрѣтившись съ матерью любимаго, стала ей жаловаться на свою несчастную судьбу, и заплакала горько.

А знаешь, мой милый,—тотъ, кто заплачетъ въ Вѣчной Ночи—уже не возвращается на полдневный свѣтъ.

И до сихъ поръ, тамъ, подъ сводами черныхъ, пустынныхъ пещеръ горько рыдаетъ невѣрная, одинокая Нуа...

ЛЕГЕНДА О ЖЕНЩИНѢ-ЦВѢТКѢ.

I

Разъ теплымъ вечеромъ Тіони возвращался съ горъ къ морю, неся на крѣпкомъ своемъ плечѣ толстую связку «феи»*), яркихъ какъ цвѣтъ огня.

Уже въ ущельи мѣшались тѣни и голосъ горнаго потока гулче звенѣлъ въ темнотѣ.

Усталый отъ пути, юноша прилегъ у большого дерева и заснулъ крѣпко.

Такъ взяла его ночь, а передъ тѣмъ сладкимъ часомъ, когда утомленные своимъ безсоннымъ пѣніемъ, умолкаютъ кузнечики и звѣздныя рѣки перекатываютъ свои сверкающія воды на вторую половину неба — путникъ услышалъ властный голосъ:

— Тіони, встань!

Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что все ущелье полыхало неистощимымъ полыменъ. Папоротники, какъ огромные факелы, горѣли по окрестнымъ склонамъ;

*) Дикіе лѣсные бананы Полинезіи.

тысячи радужныхъ птицъ перелетали изъ конца въ конецъ, а его раскрытую ладонь сладко жегъ удивительный цвѣтокъ—и изъ лепестковъ его, какъ ягода изъ листвы, выглядывало лицо прекрасной женщины.

Быстро, съ мужской порывистостью, схватилъ юноша цвѣтокъ—но когда онъ раскрылъ ладонь, въ ней снова ничего не было.

—Юноша, не бери меня грубо.—Мое настоящее имя есть Нѣжность—промолвилъ тотъ же чарующій голосъ—и цвѣтокъ снова появился на рукѣ Тіони.

Тогда онъ взялъ его нѣжно, цвѣтокъ вспыхнулъ въ его рукѣ—и Тіони увидѣлъ, что онъ стоитъ у огромнаго дерева, прятавшаго въ своихъ могучихъ вѣтвяхъ легкій домъ.

Дѣвушка съ лицомъ той, что онъ увидѣлъ въ цвѣткѣ, пѣла у входа и улыбалась ему маняще.

Три раза Тіони старался поймать ее—три раза видѣнье исчезало безслѣдно.

Наконецъ измученный непонятной игрою, юноша сѣлъ на порогѣ дома и сказалъ съ тоскою:

—Что ты хочешь отъ меня? Нѣтъ словъ, ты прекраснѣй всѣхъ красавицъ на нашемъ островѣ—и сердце мое уже горитъ отъ любви къ тебѣ, но я не мудрый человѣкъ и душа моя открыта какъ море.

—Ничто не дается даромъ на землѣ—прозвенѣлъ дѣвическій голосъ. Если я желанна тебѣ—ищи меня!

Мгновенно свѣтъ, пылавшій въ лѣсу, померкъ совершенно и юноша безпомощно блуждалъ въ темнотѣ, пока не увидѣлъ въ зарослях голубое сіяніе, приближавшееся ему навстрѣчу.

Это шелъ, озаряемый своимъ собственнымъ свѣтомъ, высокій старикъ, могучій, какъ баньянъ.

—Я поведу тебя къ ней—сказалъ старикъ властно. Не смущайся блескомъ моихъ сѣдинъ. Тьмы темъ годовъ прошли надо мною, какъ смертныя тѣни,

но душа моя не устаетъ жаждать великой безсмертной жизни — и мышца моя еще крѣпка.

— Какъ звать тебя? — пробормоталъ Тіони, подавая руку незнакомцу.

— Меня зовутъ О ани те таата, — Великимъ Человѣческимъ Желаніемъ. Идемъ!

И они вышли къ тихой полянѣ, дышащей предутренней росою. За черными скалами тихо умиралъ нѣжный мѣсяцъ.

Далъ старикъ юношѣ легкую палочку и длинную, крѣпкую веревку изъ коры дерева борао.

Юноша коснулся палочкой скалы — огромный камень отодвинулся — и Тіони вошелъ въ мшистый, узкій, слабо освѣщенный проходъ, шедшій книзу, книзу, къ другой оконечности земли.

Но вотъ оттуда подулъ легкій вѣтеръ и принесъ запахъ пряныхъ цвѣтовъ и гулкое эхо дальнихъ ликованій.

У входа, раскрывъ огненные глаза и царапая когтями скалы, лежалъ чудовищный звѣрь.

Онъ не замѣтилъ Тіони: старикъ подарилъ тому тайную власть быть невидимымъ.

И Тіони вступилъ въ заколдованную Страну Наслажденій, въ заповѣдное царство Влюбленныхъ...

II

Тамъ, подъ деревьями, у звонкихъ потоковъ, кипѣлъ несмолкаемый пиръ.

Опьяненныя воздухомъ чудной страны, дѣвушки, сплетя вѣнки изъ красивыхъ цвѣтовъ, затѣвали легкія, опасныя игры — юноши, чтобы себя показать, состязались въ метаніи длинныхъ копій, въ пляскахъ и въ веселой борьбѣ, но Тіони не видѣлъ ни плясокъ, ни звонкаго пира.

Какъ зачарованный онъ шелъ по пестрымъ, души-

стымъ лугамъ, неподвижно глядя въ безбрежное небо, гдѣ въ ликующей выси, не поддерживаемый никѣмъ, вертѣлся круглый, ослѣпительный домъ.

Покорный тому же тайному зову, Тіони закинулъ веревку на крышу — быстро взвился подъ самое небо — и вступилъ въ таинственное жилище.

Подъ искусно сплетеннымъ шатромъ, на легкомъ рѣзномъ помостѣ, благоухая лежалъ огромный цвѣтокъ.

Тіони взялъ его — и домъ тихо спустился на землю.

Тѣмъ же путемъ юноша вышелъ обратно, подъ звѣздное небо, уже блѣднѣющее отъ зари, вдохнулъ пряный цвѣтокъ — и тотчасъ же упалъ въ забытьи.

Когда же очнулся — вдругъ увидѣлъ, что міръ сталъ необычно прекрасенъ.

Рядомъ съ нимъ, крѣпко сжимая руки его, сидѣла Женщина-Цвѣтокъ.

Удивляясь глазамъ вмѣстѣ съ нею, онъ спустился къ родимому дому — и Женщина-Цвѣтокъ стала его милой женою.

III

Но не даромъ твердятъ старики, что нельзя смѣшивать масло съ водою: Тіони былъ рыбакъ, не знавшій ни пѣсенъ, ни смѣха; Женщина-Цвѣтокъ любила веселье и не желала труда.

Вотъ почему, однажды, возвратившись съ вечерней ловли, Тіони нашелъ жилище свое пустымъ.

Напрасно онъ жадно кликалъ повсюду.

Лишь вѣтеръ глухо шуршалъ въ банановыхъ листьяхъ: онъ смѣялся надъ брошеннымъ Тіони.

Покинувши скучный рыбачій бытъ, возлюбленная его ушла въ свое волшебное царство.

Тамъ дала она жизнь чудесному мальчику — и въ память земной своей любви, назвала его Тіони — земнорожденнымъ.

...Разъ поутру, чиня свою старую сѣть, Тіони-отецъ увидѣлъ незнакомаго ребенка, весело спускавшагося съ горъ.

—Гдѣ здѣсь живетъ простой человѣкъ Тіони—сказалъ серьезно ребенокъ.—Моя мать, Женщина-Цвѣтокъ отпустила меня посмотрѣть на него и на странное земное царство.

—Мальчикъ!—закричалъ Тіони, жадно глядя на сына. —Значитъ, она еще помнитъ его. Я—твой отецъ, Тіони! Веди меня за собою!

И такимъ какъ былъ — неумытымъ, пахнущимъ рыбой, захвативъ лишь веревку, данную ему старикомъ, опять вошелъ въ Страну Наслажденій.

Но едва захотѣлъ онъ закинуть веревку на сверкающій домъ — тотъ взвился въ поднебесье; лишь дрожащая волшебная нить упала оттуда на лугъ, гдѣ бѣжалъ, оставленный матерью Тіони-ребенокъ.

Мальчикъ схватился за нить — и какъ паучекъ закарабкался кверху — и исчезъ въ облакахъ.

Тіони-отецъ не могъ уже выйти обратно.

До сихъ поръ, невидимый для всѣхъ, онъ бродитъ по пестрымъ лугамъ Страны Наслажденій, зоветъ и тяжко вздыхаетъ.

Вотъ почему съ тѣхъ поръ каждое наслажденье земное стало неполно: въ нихъ тайно дрожатъ тяжкія вздохи обманутаго Тіони.

IV

Между тѣмъ, по небеснымъ пространствамъ, въ многоцвѣтныхъ вечернихъ закатахъ, въ медовой прозрачности яркихъ ночей блуждалъ таинственный домъ.

Передъ нимъ, безсчетно, проносились синія звѣзды — и каждая звала къ себѣ Женщину-Цвѣтокъ — и тонула въ безмѣрныхъ безднахъ.

Домъ, сіяя, вершилъ свой путь къ голубой звѣздѣ Фенура.

Такъ проходили непримѣтные годы и, возмужавъ, Тіони-земнородный говорилъ своей матери съ тоскою:

—Кто живетъ на звѣздѣ Фенура? Мнѣ такъ скучно стало быть вдвоемъ лишь съ тобою—и бѣдное сердце мое плачетъ сладкими, непонятными слезами. Мать, почему оно плачетъ?

—Потому что близка звѣзда Фенура—отвѣчала Женщина-Цвѣтокъ.

Наконецъ, они прибыли къ тихому царству голубого свѣтила.

Домъ сталъ неподвижно, Женщина-Цвѣтокъ бросила въ воздухъ свою волшебную нить — и пошла по ней съ сыномъ, какъ по воздушной дорогѣ.

Осеннія, желтыя рощи открылись ихъ удивленнымъ глазамъ.

Золото мертвой листвы какъ жалоба, тихо звенѣло подъ ихъ медленными шагами; печальныя птицы тонко кричали въ огромныхъ вѣтвяхъ.

Такъ дошли они до голубого дворца—и остановились у двери.

Скрипнулъ тяжелый, вѣками забытый засовъ — и старая женщина съ прекраснымъ и суровымъ лицомъ показалась на порогѣ.

— Будь гостьей— она промолвила тихо.—Я слышала зовъ твой изъ пустыннаго неба —войди въ жилище мое.

Въ просторной, огромной палатѣ, откуда были видимы глазу всѣ звѣзды и солнца вселенной, юная, тонкая дѣвушка съ распущенными волосами пѣла тихую дремную пѣсню.

—Откуда пришелъ ты, удивительный странникъ —вспыхнувъ, сказала она, вставая и беря за руку Тіони.

—Я пришелъ изъ страны Наслажденій—отвѣтилъ, дрожа, Тіони.

—Покажи мнѣ дорогу туда—наклонившись къ статному гостю, прошептала дѣвушка тихо—и вышла съ нимъ въ вечерѣющій садъ.

Безмѣрное, красное солнце, какъ яркій костеръ, опускалось за алыя рощи.

Дѣвушка запѣла пѣсню—и Тіони, пройдя подъ деревьями лѣса, всталъ на волшебный свой путь - и дошелъ до воздушнаго дома.

Свилась воздушная нить, домъ поднялся на воздухъ—и, засіявъ и кружась, взвился въ небесныя бездны.

—Они улетаютъ отъ насъ!—закричала Женщина-Цвѣтокъ, выбѣгая въ вечернюю свѣжесть.—Тіони! Мой сынъ, Тіони! Возвратись, зачѣмъ ты меня покинулъ!

—Вернулась ли ты сама на зовъ своего забытаго мужа?—промолвила тихо и строго старуха.—Нѣтъ, они улетѣли далеко, въ Страну Наслажденій, къ юности легкой своей—за тысячи лунъ лежитъ теперь отъ тебя Страна Наслажденій.

Вдругъ всѣ осеннія чащи запылали въ яркомъ огнѣ, съ чуть слышнымъ трескомъ свернулась листва, деревья разсыпались пепломъ—и въ невѣрномъ, чуть брезжущемъ свѣтѣ Женщина-Цвѣтокъ увидѣла призракъ своей далекой страны и въ ней скорбную тѣнь полубезумнаго своего мужа.

Потомъ исчезъ и волшебный дворецъ, исчезла и его хозяйка—и она, гонимая ярымъ вѣтромъ, осталась посреди пустыннаго мертваго, глухо шуршащаго поля, на мертвой, погибшей звѣздѣ.

Шла тяжелая, бурная ночь—и въ нѣмой тишинѣ, издалека, раздался голосъ старой невидимой страшной владычицы звѣзды Фенура:

— Наслажденья придутъ и неслышно уйдутъ наслажденья.
Незамѣтно покинетъ сердце звонкая радость,
Но одно неизмѣнно и вѣрно, какъ смерть, отъ вѣка:
Безконечная, тяжкая пѣсня справедливой Судьбы.
Слушай голосъ ея — и вспомнивши жизнь свою — очищайся...

ЛЕГЕНДА О ДѢВУШКѢ РОНГО-РОНГО, О ДВУХЪ ВЕЛИКАНАХЪ И ОБЪ ОДНОЙ ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЙ СТРАНѢ.

I

Дѣвушка Ронго-Ронго покинула свой островъ Тараваи*) въ тотъ страшный день, когда нѣжная королева Тоа-тетуа была схвачена и убита солдатами напавшаго на нее короля Тупоу.

Ронго-Ронго не видѣла ея мукъ.

Въ ужасѣ схвативъ пирогу, она отплыла въ черную ночь. У прибрежій, какъ костры, пылали ея родныя деревни, сѣя искры на красную воду. Морскія птицы, встревоженныя битвою, съ крикомъ покидали безумные берега; вмѣстѣ съ ними черезъ много дней вѣтеръ принесъ странницу къ зеленому острову, прекрасному, какъ утро. Все было тихо вокругъ — лишь отъ высокой горы, вѣнчавшей невѣдомую землю, сверкая на солнцѣ поднимался легкій лѣнивый дымъ.

Ронго-Ронго причалила къ небольшому заливу, и,

*) О. Тараваи — одинъ изъ острововъ Гамбье, сосѣдъ о. Мангарева

не встрѣтивъ никого, вступила въ пустынный маленькій домикъ на берегу и, поваленная усталостью, заснула въ немъ крѣпко на кучѣ мягкихъ, пушистыхъ листьевъ.

Сквозь дрему ей казалось, что она слышитъ вокругъ себя голоса невѣдомыхъ духовъ.

—Она пришла къ намъ съ неба—осторожно звенѣлъ первый голосокъ.

—Да, она сѣла на солнечный лучъ и спустилась по нему, какъ спускаются паучки по паутинкамъ.

—Тсс...Не будите ее—шелестѣлъ чуть слышно голосокъ третьяго духа.—До неба, вѣроятно, очень далеко и она утомилась отъ пути.

И голоски вокругъ Ронго-Ронго стали пѣть такъ сладко, что она также сладко проспала до слѣдующаго утра.

Однако, уже открывъ глаза, Ронго-Ронго все еще не была увѣрена, что не бродитъ въ таинственномъ царствѣ сна: вокругъ нея, кивая всклокоченными головками, сидѣло шесть карликовъ, невѣроятныхъ, какъ дѣтскій вымыселъ. Борясь со страшной дремой, одолѣвавшей ихъ, они то начинали пѣть свою колыбельную, то засыпали снова.

Ронго-Ронго осторожно встала на ципочки и карлики, вскочивъ, закричали въ ужасѣ:—она уходитъ отъ насъ! Не покидай насъ—ты будешь нашей принцессой! Велико твое небо, но не плоха и наша земля! Въ нашемъ царствѣ никогда не бываетъ войнъ и мы занимаемся лишь тѣмъ, что поемъ пѣсни и смѣемся!

И подлинно: со звонкимъ хохотомъ карлики пригнали изъ лѣса стадо жирныхъ коровъ, величиною не больше нашихъ собачекъ, и хохоча надоивъ молока въ скорлупу кокосовыхъ орѣховъ, устроили веселый пиръ.

Но недолго разносились ихъ пѣсни подъ утреннее небо — на половинѣ пира хозяева заснули крѣпко.

Только большіе звонкіе цвѣты, болтавшіеся вмѣсто бубенчиковъ подъ шеями коровокъ, нарушали пахучую луговую тишину.

И вдохнувъ ее, Ронго-Ронго улыбнулась и задремала снова, полоненная очарованіемъ найденнаго ею счастливаго міра.

II

Почти въ то же самое время съ другой стороны острова причалили два великана Тама Танэ и Пуа. Пріѣхали они послѣ большой битвы въ дальнихъ земляхъ, весьма недовольные другъ другомъ: великаны не поладили изъ за раздѣла владѣній и все еще вели свой сердитый споръ.

Едва зашагали они по берегу, затряслась земля и все окрестное населеніе во главѣ съ королемъ, встрѣтило ихъ какъ чудо, безудержно хохоча отъ радости.

— Вотъ веселое царство — игрушка! — приходя въ веселое настроеніе восхитился Тама Танэ, добрый великанъ, взирая на окружившихъ его карликовъ. — Если ты отдашь мнѣ эту землю — я тебѣ отдамъ другія — и станемъ друзьями, Пуа.

— Я отдамъ тебѣ эту землю — голосомъ громкимъ какъ громыханіе отвѣтилъ другой великанъ. — Только вначалѣ я сложу этихъ хохочущихъ таракановъ въ мѣшокъ и передавлю ихъ безъ остатка. — Эй, что ты такъ глупо смѣешься, король?

— Я живу, — отвѣтилъ король-карликъ, съ ужимкой закрывая свой ротикъ. — А почему ты такъ кричишь, великанъ?

Къ вечеру на островѣ смолкнулъ всякій смѣхъ:

великаны все еще спорили и Пуа одинъ уничтожилъ всѣ запасы острова — былъ онъ великій охотникъ покушать.

На слѣдующій день, подумавъ объ обѣдѣ, Тама Танэ въ сопровожденіи самого короля вышелъ на охоту.

Важно шагалъ гигантъ по чащѣ въ то время какъ король, какъ собачка, во весь духъ бѣжалъ впрыпрыжку сзади него и наконецъ, окончательно уморившись, въ изнеможеніи упалъ у рѣчки и застылъ, отдыхая.

Тама Танэ былъ хорошимъ стрѣлкомъ. Настрѣлявъ множество птицъ, онъ обвѣсилъ себя ими какъ бусами и пройдя еще немного, запримѣтилъ Ронго-Ронго, весело шедшую къ своему домику.

— Откуда ты, дѣвушка? — вдругъ поднимаясь изъза лѣса, какъ гора, промолвилъ великанъ, улыбаясь.

— Съ острова Тараваи — пробормотала Ронго-Ронго. — Я убѣжала оттуда отъ великой войны.

— Что же ты дѣлаешь здѣсь? — засмѣялся Тама Танэ на ея смущеніе.

— Я принцесса шести людей малютокъ. — услышалъ онъ въ отвѣтъ.

— Славное занятіе! Почему же ровно шести, а не восьми?

— Потому что ихъ шесть, а не восемь — разумно отвѣтила дѣвушка.

Гм — пробормоталъ великанъ. — Дай-ка мнѣ попить. — И сѣлъ подъ деревомъ.

Много разъ Ронго-Ронго подносила ему воду въ черпалкѣ — и каждый разъ взглядъ великана становился нѣжнѣе. Выпивъ послѣдній глотокъ, онъ посмотрѣлъ вокругъ, вздохнулъ — и отдалъ Ронго-Ронго половину настрѣлянной имъ добычи.

III

И на слѣдующее утро, снова умучивъ не угнавшагося за нимъ короля, Тама Танэ пришелъ къ домику веселыхъ карликовъ — но едва онъ увидѣлъ Ронго-Ронго, сразу позабылъ и объ охотѣ и о другомъ великанѣ, оставшемся внизу.

И скоро голосъ Пуа, томимаго голодомъ, тяжело загрохоталъ по ущеліямъ:

—Тама Танэ! Лѣнтяй! — кричалъ онъ въ нетѣрпѣніи.—Гдѣ же мой обѣдъ?

Не получивъ отвѣта, Пуа зашагалъ по острову и, къ изумленію своему, замѣтилъ тучи карликовъ, сидѣвшихъ около самой вершины горы, какъ вокругъ большого костра.

Они разгребали печеные бананы изъ горячихъ камней, накаленныхъ подземнымъ жаромъ—и хохотали отъ радости.

—Мошенники! — раздался надъ ними разъяренный голосъ. — Такъ то вы угощаете своихъ гостей!

Тогда изъ среды человѣчковъ показался старикъ настолько дрерній, что онъ уже не могъ ходить, а только ползалъ на четверенькахъ.

— Пощади, Повелитель! — замолилъ онъ жалобно. — Вотъ уже три дня — съ тѣхъ поръ, какъ ты прибылъ сюда — мы питаемся только листьями и водою. И даже не поемъ. И даже не любимъ. Ты совсѣмъ испортилъ нашу страну!

Пуа съ усмѣшкой ударилъ старика мизинцемъ — и тотъ упалъ какъ муравей, придавленный на дорогѣ.

Разобравъ горячіе камни и съѣвъ все, что было приготовлено для населенія, Пуа сталъ спускаться обратно.

Тутъ то онъ и замѣтилъ Тама Танэ, веселившагося на пиру у Ронго-Ронго.

—Эгэ! Такъ вотъ кому идетъ мой обѣдъ! — закричалъ онъ и, наклонившись во весь свой гигантскій ростъ къ домику, схватилъ оттуда дѣвушку.

—Не смѣй ее трогать! — поднимаясь въ гору навстрѣчу насильнику, закричалъ Тама Танэ. — Я хочу взять ее въ свои жены.

—А я хочу взять ее въ свои служанки. Не нравится?—захохоталъ Пуа, подбоченясь. — Тогда давай считаться — и вырвавъ скалу, въ остервененіи бросилъ ее въ противника.

Покатилась скала по склонамъ—только ущелья заухали отъ великаго гула.

IV

Скоро весь островъ, потрясаемый схваткой, заколебался какъ колеблются воды на бурномъ морѣ. Тучи пыли встали надъ гигантами—и ни одинъ еще не могъ одолѣть другого.

Наконецъ, поскользнулся Тама Танэ и противникъ, схвативъ его за ногу, сталъ тащить его къ дымящемуся жерлу горы, но вдругъ остановился и въ напряженіи уставился глазами на землю. Ему показалось, что прямо изъ подъ камня, на него снова ползетъ на четверенькахъ крохотный старичекъ, тотъ самый, котораго онъ только что раздавилъ мизинцемъ.

—Готовься къ смерти, Пуа —улыбаясь коварно, пробормоталъ старичскъ. — Развѣ ты не знаешь, что она можетъ придти отъ самой малости?

И бросилъ въ великана еле видимое, острое какъ шипъ растенія, раскаленное копьецо.

Пуа вскрикнулъ отъ боли — и швырнулъ въ старика огромной скалою, а тотъ уже сидѣлъ наверху скалы, веселый и невредимый.

Пуа! Пуа! — горькимъ смѣхомъ хохоталъ старичекъ. — Нѣтъ на землѣ насильника, что не заплатилъ бы за все, что онъ сдѣлалъ. Готовься къ смерти Пуа!

И снова ударилъ гиганта раскаленнымъ копьемъ.

Всю гору разбросалъ Пуа, охотясь за призракомъ, а тотъ все появлялся, хохоча и сыпля въ него неистощимыя копья.

Наконецъ, изнеможенный гигантъ, озираясь по сторонамъ, какъ человѣкъ, томимый безмѣрнымъ зноемъ, и весь покрытый пылью, словно коростою, шатаясь, побѣжалъ въ море, все еще озираясь и грозя привидѣнію.

Но вышелъ онъ изъ воды, уже еле волоча свое огромное тѣло: море не смыло насѣвшей на него пыли, затвердѣвшей и превратившейся въ камень.

Хо-хо! Каменный великанъ ходитъ по деревнямъ! И плачетъ и стонетъ каменный великанъ.

А старичекъ сзади него прыгаетъ и трясется отъ смѣха:

— Хо-хо! Готовься къ смерти Пуа! И отъ самой малости приходитъ къ человѣку несчастье!

Во второй разъ, уже едва шагая, бросился въ вечернія воды Пуа и скребъ себя, проклиная и становясь все тяжелѣе и тяжелѣе, пошелъ на дно и погрузъ въ водную пропасть.

Тогда выползли карлики изъ потайныхъ мѣстъ, гдѣ они прятались, вздохнули свободно, качали головами и шептали:

— Не хорошо человѣку быть большимъ.

— Большому человѣку мала земля.

— И маленькій носикъ слышитъ запахъ цвѣтка.

— И маленькое сердце бьется съ сердцемъ земнымъ.

И малютки эти говорили такъ разумно, что когда

Тама Танэ гордо подошелъ къ Ронго-Ронго и заявилъ ей, что теперь онъ самый сильный человѣкъ на свѣтѣ и можетъ покорить для нея весь міръ, Ронго-Ронго отвѣтила ему непреклонно:

— Если ты любишь меня, учись быть такимъ, какъ эти не знающія ненависти существа. Я не хочу крови! Я не хочу великихъ людей съ большими желаніями и великой страстью, ибо счастье человѣческое не въ великомъ, а въ маломъ.

Тама Танэ любилъ дѣвушку и покорился ей: онъ остался на островѣ и послѣ свадьбы, чтобы не тревожить жену, всю жизнь свою говорилъ только шопотомъ.

ЛЕГЕНДА

О ТЕА И МЕРЭ, О МАТЕРИ ИХЪ АРАРА И О СЧАСТЬИ ПОЗНАНЬЯ И НЕЗНАНЬЯ.

У рыбака Турэ-турэ и жены его Мана-мана родились три дочки и были даны имъ имена, звонкія какъ хрустъ песка: Мараринa, Натарита и Арара. Не были красивы первыя двѣ дочки, зато послѣдняя Арара выросла дѣвушкой прекрасной, но непонятной; люди говорили про нее, что она была очарована Луной.

Каждый разъ, запримѣтивъ въ зеленомъ небѣ дымчатый перламутръ въ золотомъ серпѣ полумѣсяца, Арара хлопала въ ладоши отъ радости и, сзывая подругъ, просила ихъ полюбоваться на самое красивое изъ чудесъ вселенной.

Однажды князь острова со всею своею свитой остановился проѣздомъ въ мѣстечкѣ, гдѣ жили дѣвушки.

— О! — сказала толстая Мараринa, любуясь проходившей около дома стражей принца. — Я хотѣла бы выдти замужъ за главнаго княжескаго повара. Тогда бы каждый день я ѣла золотое

пойэ*) съ жирнымъ кокосовымъ молокомъ, самыхъ вкусныхъ ракушекъ, салатъ изъ сердцевины еще не раскрывшагося кокосоваго листа, спеченое майорэ**), смоченное въ медовомъ соку — ахъ, скажите мнѣ, сестры, что бы я еще не ѣла?

—Я бы хотѣла выдти за начальника королевской стражи—поджала губы худая Натарита.—Тогда всѣ его солдаты были бы у меня въ повиновеніи, я ужъ знаю, какъ ими нужно распоряжаться!

—Нѣтъ — подняла Арара прекрасные глаза свои къ небу.— Я бы желала, чтобы самъ князь взялъ меня въ жены. Тогда бы я подарила ему двухъ близнецовъ, каждаго съ яснымъ мѣсяцемъ во лбу.

Случайно подслушавъ весь разговоръ, солдаты весело донесли о немъ своему принцу и тотъ велѣлъ призвать Арара къ себѣ въ становище, на берегъ моря.

—Правда ли Арара—внимательно всматриваясь въ стыдящуюся дѣвушку, спросилъ принцъ,—что ты можешь подарить мнѣ двухъ близнецовъ, каждаго съ яснымъ мѣсяцемъ во лбу?

—Правда—потупивъ глаза, чуть слышно отвѣтила дѣвушка.

И принцъ, плѣненный ея скромностью и красотой, взялъ ее себѣ въ жены.

Желая породниться со своимъ княземъ, главный королевскій поваръ и начальникъ войскъ женились на другихъ сестрахъ и дальше все пошло какъ по писанному: толстая Марарина каждый день ѣла золотое пойэ съ кокосовымъ молокомъ, Натарита распоряжа-

---

*) Пойэ — очень вкусное и питательное блюдо. Бананы или папаи смѣшиваются съ крахмальной мукою и варятся въ горячихъ камняхъ; получаемое желе заливается кокосовымъ молокомъ.

**) Плоды хлѣбнаго дерева.

лась не только всѣми солдатами, но даже и своимъ мужемъ, самимъ начальникомъ королевскихъ войскъ, а прекрасная Арара готовилась подарить принцу двухъ чудныхъ младенцевъ, каждаго съ яснымъ мѣсяцемъ во лбу.

Князь не видалъ этихъ дѣтей. Въ самый день ихъ рожденія, Натарита, уже давно завидовавшая, что не она, а сестра стала женою князя, взяла младенцевъ будто бы затѣмъ, чтобы показать ихъ отцу и, завернувъ ихъ покрѣпче, приказала преданному ей солдату пустить ихъ въ открытое море въ деревянномъ корытѣ. Положивъ на ихъ мѣсто двухъ слѣпыхъ щенятъ, она принесла ихъ князю.

Тотъ былъ довѣрчивъ, но неуступчивъ въ злобѣ.

Онъ растопталъ ногами щенятъ, обвинилъ жену свою въ черномъ волшебствѣ и приказалъ отправить ее на пустынный островъ, гдѣ не росло ни одно дерево и гдѣ не было даже воды.

Между тѣмъ младенцы, укачанные чернымъ ночнымъ моремъ, тихо плыли подъ звѣздами и блестящая огромная птица съ радужнымъ опереньемъ, летя за ними, направляла ихъ путь въ землю добраго рыбака Тахуа.

Утромъ жена Тахуа нашла ихъ на берегу.

Поразившись ихъ чудеснымъ знакомъ, добрые люди воспитали таинственныхъ пріемышей и назвали ихъ Теа и Мерэ.

Когда же пришла къ нимъ зрѣлая юность, Тахуа открылъ о томъ, какъ они прибыли къ его дому.

—Кто скажетъ намъ, кто нашъ настоящій отецъ? —спросилъ Теа съ горящими глазами.

—Можетъ быть, мѣсяцъ скажетъ — подумавъ, отвѣтилъ Тахуа. — Развѣ не его знаменіе горитъ на вашемъ челѣ? Пойдите на самую высокую гору острова и спросите его — авось онъ и отвѣтитъ.

Отправясь на самую высокую гору, братъ съ сестрою встрѣтили въ лѣсу стараго вооруженнаго воина.

Это былъ тотъ самый человѣкъ, что по приказу тетки ихъ Натариты, бросилъ слабыхъ младенцевъ въ открытое море.

Увидавъ два сіяющихъ мѣсяца на лбу путниковъ, воинъ побѣжалъ домой въ страхѣ и разсказалъ госпожѣ своей, Натаритѣ, объ удивительной встрѣчѣ.

Въ ту ночь Теа устроилъ сестрѣ легкое ложе въ вѣтвяхъ могучаго дерева, чтобы лѣсные кабаны не могли тронуть дѣвушку, а самъ заснулъ между его крѣпкими корнями.

Очнулся онъ отъ удивительной, сладчайшей пѣсни, звенѣвшей надъ его головой, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что онъ лежитъ какъ бы въ сверкающемъ шатрѣ; длинныя, легкія искры падали вокругъ него, подобныя разноцвѣтнымъ звѣздамъ, катящимся съ неба. Теа схватилъ одну изъ искръ — и поразился: это было настоящее птичье перо, тотчасъ же разсыпавшееся въ его рукѣ пригоршнями разноцвѣтнаго жемчуга. Бѣшенный дикій кабанъ, разбуженный пѣніемъ, накинулся на Теа изъ зарослей и, достигши свѣтящейся преграды, упалъ бездыханнымъ. Затѣмъ огненный шатеръ взвился надъ ними — и Теа увидѣлъ въ небѣ исполинскую птицу съ хвостомъ, играющимъ какъ радуга.

Къ вечеру взошли они на самую высокую гору, но ничего не отвѣтилъ имъ новый мѣсяцъ. Однако, многое примѣтили они съ высоты: дымъ поселковъ, огороды и сады, въ которыхъ трудился народъ, бѣлые переплеты новыхъ строящихся зданій — и жажда жизни вошла въ нихъ съ крѣпкимъ горнымъ вѣтромъ. Они спустились въ долину и за свой жемчугъ Теа построилъ прекрасный домъ, окруженный высокими

пальмами и обильно цвѣтущими породами всяческихъ растеній.

Большую площадку передъ домомъ выстроилъ онъ, откуда былъ видѣнъ весь океанъ и все небо, поддерживаемое имъ отъ вѣка.

И, чтобы не смущать людей, Теа и Мерэ закрыли легкими повязками свои чудесные знаки.

II

Услышавъ про огромное богатство невѣдомаго юноши, жившаго съ сестрою въ долинѣ цвѣтущихъ растеній, обезпокоенная Натарита явилась туда, чтобы провѣдать доподлинно, кто эти незнакомцы. Встрѣтивъ Мерэ у ея пышныхъ владѣній, Натарита догадалась о всемъ по повязкѣ на головѣ дѣвушки и, поразившись видѣнному, промолвила сладко:

—Цвѣты твоего сада огромны, какъ луны, но глаза мои болѣе, чѣмъ цвѣтами любуются твоей красотой.

—Мой братъ красивѣе меня — отвѣтила Мерэ, краснѣя. — Онъ только что пошелъ въ ущелье за свѣжей водой.

—Скажи ему — наклонилась Натарита — что онъ носитъ тебѣ не ту воду. Тамъ, по пути на югъ, въ заповѣдной пещерѣ, хранится волшебная вода красоты. Если ты умоешься ею, ты станешь прекраснѣе всѣхъ дѣвушекъ вселенной.

Теа любилъ сестру свою и вскорѣ же, держа путь на югъ, отправился за волшебной водою и черезъ нѣсколько дней пути, вышелъ къ высокой и непроходимой чащѣ.

Подумавъ, онъ бросилъ одну изъ своихъ жемчужниъ — невидимые духи вышли изъ-подъ земли и'

расчищая путь, безшумно повалили нѣсколько деревьевъ.

Такъ, бросая жемчужины работникамъ-духамъ, Теа встрѣтилъ неприступную черную скалу, закрытую густыми облаками.

Одно единственное могучее сухое дерево высилось передъ скалою; изъ его дупла на мгновеніе показалась голова чудной птицы.

— Когда солнце войдетъ въ зенитъ — провѣщала птица голосомъ сладкимъ, какъ призывъ возлюбленной — я запою торжество полдня и злые духи, хранящіе сокровища, раздвинутъ скалы, чтобы послушать меня на короткій мигъ. — Тогда бѣги за волшебной водою и быстро возвращайся обратно.

Такъ и случилось: ровно въ полдень съ дерева раздалось удивительное, непостижное пѣніе, совершенно такое, какое Теа слышалъ ночью, въ глухомъ лѣсу. Съ грохотомъ раздвинулись огромныя скалы — и онъ не медля вбѣжалъ въ подземный вертепъ, пахнувшій сыростью и прохладой.

Свѣтлый источникъ, душистый, какъ запахъ м а н о и *), весело билъ въ гротѣ. Страшныя чудовища, стерегшія его, съ искаженнымъ выраженіемъ неземного блаженства, стояли вокругъ безмолвно.

Теа зачерпнулъ воды — и быстро выбѣжалъ обратно; скалы снова захлопнулись за его спиною.

Мерэ умылась принесенной братомъ водой и ужаснулась красотѣ своей, сіяющей какъ солнце.

Теперь каждый юноша, что поглядитъ на меня, не посмѣетъ приблизиться ко мнѣ, ибо подумаетъ, что я не человѣкъ, а богиня — со страхомъ сказала Мерэ, смотря на свое изображеніе въ тихомъ колодцѣ.

---

*) Помада для волосъ, приготовленная изъ кокосоваго масла, настояннаго на цвѣтахъ.

—О, въ совершенной красотѣ нѣтъ радости, Теа! Лучше попробуемъ эту воду.

Они выпили ее — и жажда тайновидѣнія обожгла ихъ острымъ огнемъ.

III

Узнавъ, что племянникъ ея не погибъ еще, Натарита снова пришла къ Мерэ и спросила ее вкрадчиво:

—Не правда ли все то, что я говорила тебѣ о волшебной водѣ?

— Она не дала намъ волшебства — закричалъ Теа съ тоскою. — Она дала намъ лишь большую жажду понять, что совершается въ мірѣ.

— Это въ твоей власти насадить передъ твоимъ домомъ садъ волшебства — отвѣтила тетка, кивая рукою. — Онъ выростаетъ изъ цвѣтка, что скрытъ въ таинственной пещерѣ по пути на востокъ. И если ты силенъ, ты возьмешь этотъ цвѣтъ.

...Снова пошелъ Теа въ дальній путь и, какъ и прежде, встрѣтивъ непроходимую чащу, разбросалъ свой жемчугъ — и невидимые духи расчистили ему широкій путь. Та же птица ждала его на большомъ, вѣтвистомъ деревѣ, на этотъ разъ лишь полускрытая густою листвою.

— Жди полдня, путникъ — промолвила она голосомъ, нѣжнымъ какъ ласка. — Въ пещерѣ ты увидишь множество цвѣтовъ, но не обольщайся внѣшностью и бери самый худшій изъ нихъ.

Когда же запѣла она — Теа показалось, что весь міръ звенитъ голосами радости и любви; онъ вбѣжалъ въ подземный вертепъ — и растерялся отъ сіяющаго великолѣпія множества невиданныхъ цвѣтовъ.

Схвативъ самый маленькій, запыленный цвѣтикъ

— онъ едва успѣлъ выбѣжать изъ пещеры, какъ скалы закрылись за нимъ тяжко.

Принеся домой цвѣтокъ, юноша посадилъ его — и за ночь длинные стебли бѣлыхъ и розовыхъ лилій поднялись выше дома, какъ невиданный благоухающій лѣсъ. Войдя подъ эти цвѣточные своды, Теа и Мерэ сѣли на лугу и впервые ощутили полную счастливую тишину совершеннаго молчанья. До вечера они прогуляли тамъ — къ закату Теа вышелъ грустный: и въ саду волшебства онъ не могъ узнать тайны своего рожденья.

— Мерэ! — позвала злая старуха изъ кустовъ. — Скажи, что ты чувствуешь, вдыхая лиліи волшебства?

— Молчанье... — отвѣтила дѣвушка тихо. Эти цвѣты ничего не говорятъ...

И, затрепетавъ, старуха подумала и зашептала злобно, наклоняясь къ Мерэ:

— Есть на островѣ птица, отъ которой нѣтъ ничего сокровеннаго на свѣтѣ. За непроглядным лѣсомъ скрыта она, тамъ, по пути на сѣверъ, въ подземельи скрыта она. Спроси брата, силенъ ли онъ взять ее? — и ушла, засмѣявшись гнусно.

IV

Взявъ оставшійся жемчугъ, Теа снова отправился въ путь. Заросли были еще гуще и, разбросавъ всѣ свои сокровища до послѣдней жемчужины, онъ съ трудомъ, собственными усиліями пробрался къ подземному гроту, когда тотъ былъ уже открытъ и весь міръ полнило ликующее торжество полдневной славы.

Схвативъ чудесную птицу, Теа опрометью бросился изъ грота — и не успѣлъ: передъ самымъ порогомъ скалы задвинулись и онъ остался въ пещерѣ.

Задвигались черныя, колѣнчатыя тѣла чудовищъ, и визгъ и рыканье раздались по безмѣрнымъ сводамъ, страшныя змѣи проползли около Теа, промчались подземные всадники — и все это исчезло, скрылось, застыло и плѣнникъ окаменѣлъ вмѣстѣ съ птицею у запертаго входа.

Подождавъ брата нѣсколько дней, Мерэ бросилась за нимъ на поиски по далекому пути на сѣверъ. Пересѣкши неприступную чащу, окровавленная она подошла къ горѣ.

Чудесная птица, уже не скрытая ничѣмъ, сидѣла на деревѣ, сіяя какъ солнце.

—Дѣвушка — сказала она печально. — Вмѣстѣ съ тобою я оплакиваю твое несчастье. Любимая сестра моя, что Теа хотѣлъ выпустить на волю, окаменѣла на его рукѣ. Въ полдень, когда запою я, ты найдешь Теа у входа въ пещеру. Возьми его — или вы погибнете оба.

Дождавшись полдня, когда раскрылась скала, Мерэ, увидѣвъ окаменѣлаго брата съ птицею на рукахъ, съ нечеловѣческой силою вытащила его обратно; птица взмахнула крыльями, Теа вздохнулъ счастливо — и они пришли домой, къ волшебному своему саду.

— Скажи мнѣ птица — спросилъ Теа — что видишь ты, тамъ, за лѣсомъ?

—Король острова, наслышанный о тебѣ, идетъ тебя навѣстить и путь ему лежитъ отъ востока къ закату — отвѣтила птица.

И подлинно: къ вечеру къ Теа и Мерэ пришелъ король острова, красивый печальный старикъ.

Важно обойдя роскошныя владѣнія хозяевъ, король посмотрѣлъ на Теа и усмѣхнулся горько:

Ты живешь здѣсь какъ князь, Теа, но ты счастливѣе князя: ибо ты не знаешь великой горечи властво-

вать людьми. И я желалъ бы знать какого ты рода.

— Онъ такой же князь, какъ и ты, король — вдругъ раздался надъ ихъ головами съ вѣтвей человѣческій голосъ.

Премного удивился король разумно говорящей птицѣ и вопросилъ ее:

— Откуда же пришли эти чудные люди и кто ихъ отецъ и мать?

— Сестра моя, Милость, легкими крыльями своими примчала ихъ сюда изъ твоего Царства — отвѣчала вѣщунья. — Мать же ихъ была брошена на безплодный островъ много лѣтъ тому назадъ, когда волосы твои еще не были сѣды, а злоба твоя молода. Но до сихъ поръ сестра моя носитъ ей пищу, перелетая черезъ бурное море. Теперь догадайся, кто отецъ этихъ дѣтей...

Порывно снялъ король повязки, закрывавшія головы Теа и Мерэ и, увидѣвъ два ясныхъ мѣсяца на ихъ челѣ, заплакалъ отъ стыда, отъ счастья и отъ раскаянья.

Тотчасъ же быстрые гонцы были посланы на островъ заточенія и привезли оттуда королеву Арара, постарѣвшую и сожженную солнцемъ, какъ уголь.

— Въ ожесточеніи нѣтъ счастья — медленно сказалъ король, смотря на жену свою, непонимающую и потрясенную всѣмъ, что случилось, и, вымоливъ у нея прощеніе, отдалъ правленіе королевствомъ сыну, а самъ, взявъ съ собою Арара и немного преданныхъ слугъ, уѣхалъ въ заброшенную землю, скрытую на много мѣсяцевъ пути.

Вслѣдъ за ними улетѣла и вѣщая птица.

Проводивъ ее глазами, Теа оглянулся вокругъ и воскликнулъ съ отчаяньемъ неизъяснимымъ:

Въ знаніи нѣтъ счастья, нѣтъ счастья во всевѣдѣніи, Мерэ!

И, срубивъ садъ волшебства, призвалъ музыкантовъ и пѣсельниковъ, возвеселилъ душу свою и прожилъ жизнь свою въ радости ненарушимой, ибо онъ уже не думалъ о тайнахъ вселенной и о томъ, куда ведетъ его Судьба.

фотографія автора

Вечерній созывъ пирогъ

фотографія автора

Плакальщицы предъ домомъ умершаго

фотографія автора

Подростки

фотографія автора

Океанія

ЛЕГЕНДА О ИНѢ ПРЕКРАСНОЙ И О КОВАРНОМЪ КНЯЗѢ МАРАУ ТАНГАРОА.

Юркій лазутчикъ Поату прибылъ въ уѣздъ Натаваки по важному дѣлу: ему было поручено княземъ земли Рикитеа разузнать, гдѣ живетъ удивительная красавица уѣзда, про которую всѣ говорили у нихъ въ землѣ, но которую еще тамъ не видѣлъ никто.

Поздно вечеромъ Поату присѣлъ на берегу.

Люди расходились по домамъ, болтая о своихъ дѣлахъ.

Неожиданно вечерняя прохлада наполнилась удивительнымъ благоуханіемъ.

—Откуда идетъ этотъ чудесный ароматъ?—съ изумленіемъ спрашивалъ Поату прохожихъ.—Ни дерево типанье, ни даже первый апельсинъ, занесенный съ неба голубемъ, не могутъ благоухать болѣе нѣжно.

—Нѣтъ—отвѣчали жители просто,—это проходитъ Ина Прекрасная, дѣвушка нашей земли. Развѣ ты не слышалъ еще, что отъ рожденія тѣло ея благоухаетъ нѣжнѣе и апельсиновъ и цвѣтовъ типанье.

— Я нашелъ красавицу для князя — подумалъ Поату и, разузнавъ гдѣ живетъ Ина, тотчасъ же отправился къ себѣ обратно.

На слѣдующій день, переваливъ черезъ небольшую гору, раздѣляющую землю Натаваки отъ его владѣній, самъ князь Марау Тангароа, ведомый Поату, прибылъ въ деревню.

Подождавъ, пока отецъ Ины не отправился на работу и по обычаю не заперъ дѣвушку въ домѣ, князь подошелъ къ хижинѣ и промолвилъ негромко:

— Меня зовутъ Марау Тангароа, княземъ веселой земли Рикитеа. Сегодня вечеромъ, въ своемъ дворцѣ, я устраиваю пиръ, моя красота. Если ты согласна придти на праздникъ, можетъ быть ты просунешь свой маленькій пальчикъ черезъ бамбуковую стѣну дома— тогда мое сердце будетъ тебя ждать.

Въ отвѣтъ черезъ бамбуки просунулся маленькій пальчикъ Ины, и князь, весело возвратившись домой, призвалъ слугъ и поваровъ, приказалъ заколоть лучшихъ поросятъ, приготовить напитки — и сталъ дожидаться.

Уже подъ звѣздное небо летѣли веселыя пѣсни пирующихъ, когда князь, почуявъ удивительный ароматъ, шедшій изъ зарослей напротивъ — вышелъ изъ дворца и увидѣлъ двухъ дѣвушекъ, стыдливо прятавшихся за листвою.

Это была Ина Прекрасная со своею подругой, тайкомъ убѣжавшія отъ отца.

Возвращаясь домой послѣ вторыхъ пѣтуховъ, Ина думала, что счастливѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ и что на всѣхъ островахъ, разсѣянныхъ въ морѣ, нельзя найти болѣе благороднаго, болѣе удивительнаго человѣка, чѣмъ молодой князь.

Вдвоемъ со своею подругой она прибѣжала и на

второй вечеръ, а на третью ночь пира явилась одна: подруга осталась дома.

За гуломъ немолчныхъ пѣсенъ и за словами нѣжной любви Ина и не замѣтила, какъ изъ бамбуковаго пиршественнаго дома, постепенно, одинъ за другимъ скрылись всѣ пирующіе и она осталась наединѣ съ княземъ.

—Уже поздно. Пусти меня—прошептала Ина князю, заслушавъ третьихъ пѣтуховъ.

—Пѣтухи кричатъ безъ времени, разбуженные свѣтомъ нашихъ костровъ—шепталъ ей Марау Тангароа лукаво.

—Возлюбленный мой!—снова съ тревогой промолвила Ина.—Неужто ты не слышишь, какъ пѣвчія птицы начинаютъ кричать на деревьяхъ? Если отецъ мой узнаетъ, что я пирую у тебя одна, онъ выгонитъ меня изъ дома и я буду опозорена передъ всей землей.

—Ина—коварно улыбался князь. Посмотри черезъ бамбуковую рѣшетку дома—развѣ ты не видишь, что черная ночь царитъ надъ міромъ и звѣзды еще не ушли въ свои лазоревые дворцы?

Почуявъ недоброе, дѣвушка толкнула дверь—и зажмурилась отъ яркаго свѣта.

Полный день заливалъ землю и море.

У дверей, давясь отъ хохота, стояла стража князя, еще съ вечера законопатившая всѣ бамбуковыя щели дома мягкой травою.

—Что Ина!—кричала стража—Ты не знала еще, какой молодецъ нашъ веселый князь.

Въ отчаяньи, обернувшись назадъ, за помощью дѣвушка увидѣла Марау Тангароа, безудержно смѣявшагося вмѣстѣ со стражею.

Тогда, не помня себя, гонимая стыдомъ, она бросилась бѣжать по берегу, все еще слыша за своей спиною улюлюканье и жирный хохотъ.

Небольшой заливчикъ встрѣтился ей на пути.

Ина вскочила на камень, выступавшій изъ воды, поскользнулась, упала въ море — и тотчасъ же была проглочена акулой, стерегшей за сосѣдней подводной скалой.

На счастье, какъ разъ въ это самое время, могучій богатырь Тайюка, служившій въ войскѣ у князя, вышелъ со своимъ копьемъ къ лагунѣ.

Море было спокойно, только нѣжный ароматъ, какъ дыханіе чуть курился изъ воды, гдѣ довольно дремало чудовище.

— Что за притча — подумалъ богатырь и съ силою бросилъ копье въ акулу.

Огромная пасть раздвинулась — и невредимая Ина, едва дыша, безжизненно выплыла на поверхность.

Сплеснувши лицо ея свѣжей водой, Тайюка отнесъ красавицу въ свою хижину, согрѣлъ, утѣшилъ и накормилъ — и благодарная дѣвушка уже не ушла отъ него обратно — и послѣ свадьбы осталась въ землѣ Рикитеа для своей новой юдоли.

II

Узнавъ, что красавица сдѣлалась женою его собственнаго богатыря, разсерженный князь приказалъ Тайюка придти къ нему на большую рыбную ловлю. Рыбаки закинули тяжелую сѣть. Когда она запуталась въ коралловыхъ зарослях, князь повелѣлъ Тайюка нырнуть въ воду, чтобы отцѣпить сѣти. Въ это время княжескіе слуги прикрыли богатыря другой сѣтью и не выпускали до тѣхъ поръ, пока онъ не пересталъ биться подъ водой.

Вытащивъ могучее тѣло на берегъ и, покрывъ Тайюка черной тапою*), убійцы отнесли его на мараэ

*) Тапа — полинезійская матерія. См. въ другихъ примѣчаніяхъ

и положили на высокомъ помостѣ мертвыхъ, подъ широкими купами деревьевъ таману. Князь же съ воинами отправился къ дому Ины.

—Ина Прекрасная—вкрадчиво постучался у входа Марау Тангароа.—Ты знаешь, что мужъ твой умеръ, запутавшись въ сѣтяхъ?

—Знаю—отвѣчалъ рыдающій голосъ за стѣною.—Слуги твои мнѣ сказали объ этомъ, князь...

—Теперь ты свободна—ласково продолжалъ предатель—и, если хочешь, ты можешь пойти со мною во дворецъ.

—Да, князь—еще тише отвѣтилъ голосъ.

—Ина Прекрасная—приникая ухомъ къ стѣнѣ, промолвилъ князь, дрожа.—Что плачешь ты? Жизнь коротка, а молодость и еще короче. Я уже окружилъ домъ твой солдатами и—клянусь—теперь не выпущу тебя.

—Да, князь—отвѣчалъ безстрастный голосъ.

—Выходи же! Что дѣлаешь ты тамъ?—въ нетерпѣніи воскликнулъ Марау Тангароа.

Не получивъ отвѣта, онъ силою вошелъ въ домъ.

Бездонное, только что выкопанное отверстіе зіяло въ земляномъ полу хижины.

—Она волшебница—пробормоталъ князь, выходя въ великой тревогѣ.—Она скрылась отъ насъ подъ землю.

И, обезкураженный, отправился къ помосту мертвыхъ, посмотрѣть на сраженнаго Тайюка.

Тотъ лежалъ съ лицомъ напряженнымъ отъ борьбы, съ поднятой грудью, словно еще глотающей воздухъ, но уже недвижимый.

Князь сѣлъ подъ деревомъ и задумался глубоко.

III

Тѣмъ временемъ, прижимая къ груди тонкія, лег-

кія полотнища тапы, Ина Прекрасная спустилась по выкопанному ею переходу въ жуткую прохладу перваго царства Вѣчной Ночи, называемаго Поти о Тетиара. Только сюда, въ это первое царство, можетъ безнаказанно проникнуть человѣческая душа.

Неожиданно, вокругъ всего тѣла Ины, вспыхнуло яркое голубое сіяніе — и она увидѣла безмѣрные своды, переходы и арки и великое множество маленькихъ птичекъ Поти-поти, печально жавшихся въ углубленіяхъ скалъ другъ къ другу.

— О, маленькія птички, Поти-поти! Что вы дѣлаете здѣсь? — воскликнула Ина.

— Мы поемъ душамъ, отходящимъ въ предвѣчный мракъ, чтобы имъ не было такъ тяжко — отвѣтили ей птички.

— О, маленькія птички, Поти-поти! — снова промолвила Ина. Не видѣли ли вы душу моего возлюбленнаго мужа, богатыря Тайюка?

— Нѣтъ — отвѣтили птички грустно. Сегодня мы молчали цѣлый день. Мы не видѣли души твоего возлюбленнаго мужа, бѣдная Ина.

Пройдя дальше, Ина примѣтила множество круглыхъ входовъ, ведущихъ во вторую ночь, Кура Тина, откуда уже никто не возвращается обратно*) и, заложивъ всѣ ихъ кусками принесенной ею тапы, схоронилась за подземныя скалы, дожидаясь мужа.

Вскорѣ услышала она, трепеща, какъ сладчайшею грустью прозвенѣли подъ сводами тысячи птичекъ Поти-поти и затѣмъ, какъ облако несомое вѣтромъ, закрывъ глаза, проплыла сама душа богатыря.

Достигнувъ одного изъ входовъ, ведущихъ во вторую ночь и закрытыхъ тапою Ины, душа склонилась, не найдя пути, и безсильно упала на землю.

*) Третья и послѣдняя, самая глубокая ночь называется По Поуару.

Тогда, выйдя изъ-за скалы, Ина прижала плѣнную душу мужа къ своему сердцу и, шепча ей ласковыя слова, выбѣжала на вольный свѣтъ, прямо къ помосту мертвыхъ и положила ее на грудь Тайюка.

И, глубоко вздохнувъ, богатырь всталъ и промолвилъ, озираясь:

—Куда я ходилъ, Ина? Я ходилъ куда-то! И зачѣмъ они положили меня сюда?

И пошелъ къ себѣ домой мимо пораженнаго и безмолвнаго князя.

—Ну, что же!—промолвилъ князь, вставая. — Сердце женщины беретъ сила, но равно берутъ и дары.

И призвавъ начальника дворца, велѣлъ принести ему самые лучшіе подарки изъ своихъ хранилищъ.

Онъ выбралъ ожерелья розовыхъ и бѣлыхъ жемчуговъ и длинную цѣпь полированныхъ лиловыхъ коралловъ.

Кипу пестрыхъ циновокъ, сплетенныхъ изъ тончайшихъ листьевъ пандануса, отобралъ онъ и радужныя запястья изъ бѣло-зеленыхъ ракушекъ, играющихъ какъ разноцвѣтная зернь.

Наконецъ, онъ далъ корону изъ пылающихъ перьевъ Мара-Уру и много цвѣтныхъ матерій, выбитыхъ изъ коры хлѣбнаго дерева и искусно расписанныхъ лиловымъ сокомъ феи и красивой пурпуровой краской листьевъ тоу*).

Положивъ дары на крѣпкія плечи слугъ, начальникъ дворца пришелъ съ подарками къ Инѣ.

Печально перебравъ ихъ всѣ своими тонкими благоухающими пальцами, Ина возвратила приношенія и промолвила гордо:

—Скажи князю, что и рыба помнитъ человѣка, однажды ударившаго ее копьемъ, —и повѣрь мнѣ, я

*) Cordia sebstena.

не забуду Марау Тангароа. И поистинѣ—не ему приличествуетъ одарять меня. Но если онъ еще помнитъ, что я три раза была у него на пирѣ и не отплатила ничѣмъ, пусть онъ приметъ эту раковину, вырѣзанную моею рукою. Передай, что ее выловили какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я упала въ воду, возвращаясь съ княжескаго празднества.

Не понявъ намека, посланецъ взялъ подарокъ и, все передавъ, отнесъ его къ князю. Князь убилъ посланца. Но развѣ можно убить Справедливость?

Вотъ какъ пришла она во дворецъ.

IV

На другой сторонѣ острова жила страшная вѣдьма, которую немногіе, что ее видѣли, звали тоже Иною, но только Гнилою.

Хижина ея стояла на высокой горѣ и путь къ ней сторожила пугливая птица Тооpea.

Заслышавъ приближающіеся шаги у дома, Тооpea издавала жалобный крикъ, и предупрежденная вѣдьма принимала какое угодно обличье и весело встрѣчала гостей.

Веселѣе же всего встрѣчала она простого человѣка Ротуранги, считавшаго, что на землѣ нѣтъ и не будетъ красавицы, равной Инѣ Гнилой.

Разъ, отправясь на гору, онъ повстрѣчалъ Тайюка, возвращавшагося съ апельсинами изъ ущелья.

—Здорово, Ротуранги!—сказалъ Тайюка.—Куда идешь?

—Тсс—лукаво подмигнулъ Ротуранги.—Иду на гору въ гости къ такой красавицѣ, какой еще не видѣлъ свѣтъ.

—Да ты съ ума сошелъ, Ротуранги,—добродушно засмѣялся Тайюка.—Это такая красавица, что ког-

да она открываетъ ротъ, всѣ мухи острова слетаются вокругъ него за добычей.

— Ты врешь! — взбѣсился Ротуранги. — Она прекрасна, какъ навожденье.

— Сверни съ этой дороги, гдѣ ее стережетъ птица Тооpea — и ты увидишь, кто правъ — бросилъ Тайюка, спускаясь.

Оскорбленный Ротуранги все же пошелъ по другой дорогѣ — и, дѣйствительно, не предупрежденный птицей, увидѣлъ Ину Гнилую такой, какой она была всегда — и упалъ на землю въ изнеможеніи.

Передъ нимъ, почесываясь, сидя на пнѣ, сладко жмурилось и позѣвывало косматое чудовище. Тучи мухъ жужжали надъ нимъ и когда чудовище открывало огромный ротъ, мухи вылетали и влетали въ него, какъ пчелы въ улей.

Ротуранги вскрикнулъ отъ ужаса и бросился бѣжать.

Напрасно вѣдьма посылала ему въ догонку самыя сладкія слова, какія только знала — пріятель ея не возвратился обратно.

Въ отчаяніи, думая его обмануть, колдунья пустилась на хитрость: она приняла образъ Ины Прекрасной и пустилась въ погоню за другомъ.

Вѣдьма проходила мимо княжескаго дворца, когда Марау Тангароа, только что убившій своего посланца, жадно вдыхалъ ароматъ пальцевъ Ины Прекрасной, оставшійся на подаренной ею раковинѣ.

Увидѣвъ колдунью, онъ тотчасъ же велѣлъ привести ее во дворецъ.

— Ина Прекрасная — восторженно воскликнулъ князь, окончательно обманутый ароматомъ раковины, что онъ держалъ въ рукахъ, и думая, что передъ нимъ сидитъ настоящая Ина. — Твой подарокъ благоухаетъ, какъ ты сама, но слова твои точатъ ядъ. Ты все еще

сердишься на меня? Я хочу, чтобы ты была моей женою, Благоухающая Ина.

—О, не зови меня Благоухающей—скромно потупилась вѣдьма.—Поговоримъ лучше насчетъ свадьбы.

Свадьба рѣшена была на слѣдующій день.

V

Спустившись въ подземныя бездны, гдѣ у нея жила Повелительница, Ина Гнилая вернулась оттуда съ короной изъ тончайшаго рѣзного перламутра, съ нарядами, краше которыхъ еще не видѣлъ человѣческій глазъ и съ четырьмя подружками, что все время слѣдовали за нею и величали принцессой.

Послѣ обрученія, вѣдьма вышла на свадебный пиръ, прекрасная, какъ морское свѣченіе.

—Князь—закричала восторженная толпа.—Ты ошибся. Это не Ина Прекрасная. Ина Прекрасная стоитъ рядомъ съ нами, но она блѣднѣетъ передъ твоею молодой женою, какъ передъ солнечнымъ свѣтомъ меркнетъ луна. Это принцесса невѣдомой, чудесной страны!

—Вотъ какъ!—ничего не понимая, сказалъ уже очарованный вѣдьмой князь, осчастливленный тѣмъ, что онъ женился на принцессѣ чудесной страны. И, услышавъ, что подружки Ины Гнилой дѣйствительно величали ее принцессой, князь наклонился къ ней и промолвилъ влюбленно:

—Возлюбленная моя—Ты пришла ко мнѣ, какъ приходитъ утренній вѣтеръ. Открой же мнѣ твою тайну. Гдѣ царствуешь ты? Въ какой чудесной странѣ?

—Я царствую—отвѣчала Ина Гнилая вдругъ синѣя, бурѣя, чернѣя и превращаясь въ безобразное, грязное существо, на которое сразу набросились всѣ мухи. —Я царствую въ подземныхъ безднахъ, гдѣ нѣтъ ни радости, ни свѣта и только глаза мои озаря-

ютъ холодную, жуткую мглу. Ты обрученъ мнѣ — теперь идемъ за мною.

И гулко топнувъ ногой, провалилась вмѣстѣ съ лукавымъ княземъ и четырьмя своими подружками въ извѣчный, нескончаемый Мракъ...

ЛЕГЕНДА О ДѢВѢ НЕБЕСЪ НАОМИ, ПРИШЕДШЕЙ ЗА ТАЙНОЙ МІРА.

I

Было время, когда надъ міромъ земнымъ,
Между солнцемъ и яркой звѣздою Ао*)
Простиралось волшебное царство
Великой страны Никихина.
Правилъ страной Никихина добрый король
И была у него молодая прекрасная дочка.
Все ей было подвластно, дѣвѣ небесъ, Наоми.
На сверкающихъ тучахъ пролетая въ безмѣрномъ пространствѣ,
Дожди сіяющихъ солнцъ она низвергала въ вѣка,
Изъ огненныхъ молній плела себѣ ожерелья,
Только не былъ ей данъ даръ умиленной любви
И она заскучала по немъ — и покинула чудное царство.
Опечалился добрый король страны Никихина,
Выслалъ на поиски быстрыхъ своихъ гонцовъ.

---

*) Утренній ликъ Венеры.

Ходили гонцы по заоблачнымъ высямъ,
Ныряли по подводнымъ глубинамъ,
Ничего не нашли — и со стыдомъ вернулись обратно.
Тогда крикнулъ король отважныхъ своихъ матросовъ,
Корабельщиковъ знаменитыхъ своихъ,
Оснастилъ крылатый воздушный корабль —
И по легкимъ небеснымъ путямъ
Самъ въ великой тревогѣ помчался въ погоню за дочкой.

II

Той порой, минувъ радуги волнъ, дрожащихъ на рифахъ,
Наоми спокойно пристала къ неизвѣстному подлунному царству.
Высокія пальмы сонно клонились у водъ,
На огромныхъ деревьяхъ сушились крѣпкія сѣти
И у хижинъ прибрежныхъ, сквозь звонкое пѣніе птицъ,
Играя, безпечно кричали веселыя дѣти.
— Дѣти! — воскликнула Наоми, улыбаясь
И принявши простое обличье, пришла въ королевскій дворецъ
И попросила пріюта. И дала королева
Ей смотрѣть за своими садами,
За цвѣтами своими смотрѣть.
...Однажды,
Заколовъ цвѣтокъ Тіарэ въ свои тяжелыя косы,
Наоми пошла купаться къ прохладной рѣкѣ
И, любуясь своимъ отраженьемъ
Вдругъ увидѣла въ чистой водѣ, за своими плечами,
Молодое лицо Тимо, наслѣдника королевства.
— Не сердись — онъ сказалъ на ея невольный испугъ,
— Я пошелъ на охоту и, услышавши пѣсню твою,

Рѣшилъ, что поетъ у рѣки нѣкая чудная птичка.
А ты знаешь — всѣхъ лучшихъ пѣвуній лѣсныхъ
Мы, охотники, ловимъ въ силки — спасайся, а то я
тебя поймаю!
— Лови — улыбаясь, отвѣтила Наоми, не зная, что
говоритъ.
— Я затѣмъ и на землю пришла, чтобъ извѣдать зем-
ной полонъ.
Въ этотъ мигъ по водѣ запрыгали крупныя, частыя
капли.
Изумился отвѣту князь и промолвилъ, смотря на небо:
— Гроза грохочетъ надъ нами, но глаза твои ярче
грозы.
— Я изъ молній плету себѣ ожерелья! — воскликнула
Наоми.
...И промчались надъ ними тяжелыя лѣтнія грозы.
Благосклонныя луны нѣжныя сѣти плели,
Въ королевскихъ садахъ, отлюбивъ, осыпались цвѣты,
А цвѣтокъ Тіарэ, упавшій изъ косъ Наоми,
Предалъ, самъ не зная того, ея великое счастье.

III

Какъ-то утромъ, явившись въ покой сына,
Королева нашла на его еще теплой постели
Смятый, сонный цвѣтокъ — и разгнѣвалась страш-
нымъ гнѣвомъ.
Князь былъ запертъ, къ дверямъ была приставлена
стража,
А Наоми, завязавши глаза, положили въ корзину изъ
пальмовыхъ листьевъ
И въ пустынное мѣсто снесли, запретивъ ей подъ
страхомъ казни
Появляться въ границахъ страны.

И пришли во дворецъ знахари
На горячихъ камняхъ ворожили, приносили цѣлебныя
травы
Не прогнали они любовной тоски плѣненнаго князя:
По тѣнистымъ горнымъ ущельямъ
Уже мчался посланный имъ его закадычный другъ,
Давшій клятву найти хоть слѣдъ Наоми — иль по-
гибнуть,
Какъ среди океана, гибнетъ, не достигнувъ земли,
Уаао, безумная, непонятная птица*).

IV

Уаао, безумная птица, потерявши своихъ птенцовъ,
Кричитъ безутѣшнымъ плачемъ надъ водной пустыней,
Жалобой звонкой кричитъ. Наоми проходила без-
молвно
И ноги ея спотыкались и взглядъ ея былъ жестокъ,
Какъ глаза травимаго звѣря.
Тамъ, на голыхъ, шумящихъ прибрежьяхъ,
Ожидала она, какъ свое утѣшенье
Умилительный даръ материнства, — а когда его по-
лучила,
Заплакала безутѣшно: мертвымъ былъ ея нѣжный
младенецъ.
Ночью она погребла его въ черныхъ волнахъ и на
скалахъ у моря
Тайными знаками высѣкла**):

---

*) Птица-фрегатъ.

**) Океанійцы не знали письменности, но, согласно нѣкоторымъ даннымъ, у нихъ, дѣйствительно, былъ способъ записи, своего рода іероглифы, понятные лишь высшему классу. Легенда подтверждаетъ это.

„Солонъ вѣтеръ морей, горька сладость земная.
Я, Наоми, проходила по этимъ прибрежьямъ
Неся свой позоръ"... — и пала у водъ,
Не имѣя силы двигаться дальше...
И чудилось ей въ забытьи,
Что съ высокаго неба тихо спускается къ ней бѣлый корабль.
И король, ея престарѣлый отецъ,
Найдя ее, плачетъ отъ радости встрѣчи
И она безгрѣзно плыветъ по сіяющимъ водамъ
Вѣчно-спокойнаго, вѣчно-счастливаго моря.
Только тамъ, на покинутомъ берегу,
Стоитъ запыленный, невѣдомый человѣкъ
И кличетъ ей громко,—а корабль уходитъ все дальше,
Все дальше — наконецъ пристаетъ къ безвѣстной землѣ,
Осыпанной яркими искрами росъ,
Какъ цвѣтистымъ огнемъ. И изъ каждой цвѣтной росинки,
На нее, сіяя, глядитъ позабывшій, но не забытый Тимо
И твердитъ ей со странной улыбкой:
— Это слезы твои, Наоми, горькія, тяжкія слезы.
Я сбиралъ ихъ по каплѣ на память себѣ и въ садахъ своихъ поразвѣсилъ,
Чтобъ и въ нихъ, какъ тамъ, на рѣкѣ, любоваться твоимъ отраженьемъ.
Съ плачемъ открыла глаза Наоми — и увидѣла словно въ сказкѣ:
Вправду она лежитъ на родномъ кораблѣ и въ ея изголовьи,
Сидитъ ея престарѣлый отецъ, король страны Никихина,
Въ волосахъ его ярко играетъ солнечный зайчикъ
И король говоритъ ей голосомъ нѣжнымъ:
— Это я, я, дитя мое. Какъ мы долго тебя искали!

И у звѣздъ вопрошали мы, вопрошали у быстрыхъ зарницъ,
А нашли тебя въ травахъ у безбрежнаго синяго моря.
И склонившись надъ ней, сталъ шептать ей слова утѣшенья:
— Погляди — мы пристали къ чудесной подлунной странѣ,
Гдѣ царитъ королева, чье имя звучитъ какъ милость.
Сынъ ея, молодой королевичъ Тимо, былъ у насъ съ любезнымъ привѣтомъ,
Дорогіе подарки принесъ и позвалъ насъ вечеромъ къ пиру.
— Отецъ! — неподвижно раскрывши глаза, Наоми прошептала въ смятеньи.
— Вели поднимать паруса! Я не хочу никакого пира!
Поѣдемъ тотчасъ же обратно въ страну Никихина, отецъ!
— Невозможно — спокойно и твердо отвѣтилъ король
— Никогда я не рушилъ даннаго мною слова
И мой главный знахарь мнѣ сказалъ, что тяжкое горе твое
Можно выгнать изъ сердца лишь сладкимъ земнымъ весельемъ.
Не кручинься — тебя веселить обѣщалъ молодой королевичъ.
— Хорошо — помолчавъ, горько промолвила королевна.
— Я пойду, но отнынѣ и тебѣ и всѣмъ приближеннымъ
Я даю нерушимый запретъ называть меня Наоми.
Мое имя въ этой странѣ — Моріу Никихина.

V

Вотъ наступаетъ вечеръ, замолкаютъ птицы на вѣткахъ,
Лишь сильнѣе поютъ ночные потоки,

Да порывистѣй бьется жаркое сердце влюбленныхъ.
Зоветъ Наоми проворныхъ своихъ служанокъ,
Умащаютъ онѣ ея прекрасное тѣло,
Убираютъ и чешутъ ея тяжелыя косы,
Надѣваютъ ей праздничную одежду,
Украшенную пестрыми вырѣзными цвѣтами,
Въ руки даютъ искусный вѣеръ,
Кладутъ на голову перламутровую корону —
И Наоми и король, окруженные пышной свитой,
Спускаются на торжественный пиръ.
—Здравствуй король! — кричитъ народъ съ побережій,
Дѣти бѣгутъ за гостями, барабаны грохочутъ громко.
—Какъ зовутъ королевну? — Моріу Никихина!
—Здравствуй, красавица Таинственной Страны!
Одна королева, повстрѣчавъ Наоми во дворцѣ,
Вздрогнувъ, долго смотрѣла въ ея огромныя очи
И, поклонившись весьма достойно,
Отошла, покачавъ сѣдой головой.
Сладко поютъ пѣвцы, разносятъ кушанья слуги,
Но не внемлетъ пѣвцамъ пораженный Тимо
И не пьетъ, и не ѣстъ — только смотритъ.
Наконецъ, наклонясь къ невѣдомой гостьѣ,
Шепчетъ онъ, поборовши усилье:
— Ты боишься взглянуть на меня, королевна,
Но твой взглядъ — слаще музыки звѣздъ и богаче
лучшихъ подарковъ.
Какъ зовутъ тебя, нѣжная? — Моріу Никихина.
— Нѣтъ, я хотѣлъ бы узнать твое настоящее имя.
— Если хочешь узнать его — еще ниже склонила
глаза Наоми —
Женскую гордость спроси — она тебѣ все отвѣтитъ...
Отецъ, не довольно ли мы съ тобой пировали сегодня?
Голова моя начинаетъ немного кружиться.
Беретъ король трепещущую Наоми
И съ извиненьемъ покидаетъ собранье.

Красные факелы дымятся въ черную ночь.
По водѣ извиваются, плавають багровыя змѣи.
— Король! — забѣгаетъ поспѣшно взволнованный князь
— Ты былъ на пиру королевы — завтра будетъ мой собственный пиръ.
Прошу на мое празднество непремѣнно.
...И далъ свое согласіе добрый король.

VI

И снова танцоры плясали, насвистывали флейты „виво"
И подъ легкіе отзывы моря красивѣй пѣсни звенѣли,
Но всѣхъ красивѣй была грустная пѣсня князя.
„Я поднялся до солнца бѣлаго и увидѣлъ: счастью границы нѣтъ.
Какъ душисты были сады мои, въ которыхъ ты гуляла.
Тамъ избранникъ счастливый, любимая, я хранилъ твой завѣтный цвѣтъ,
Но его красы не хотѣла мать — она его сорвала.
Я садовникъ плохой, охранитель плохой,
Но тоска моя плачетъ съ твоею тоской
И она здѣсь тебя узнала".
— Что ты скажешь объ этой пѣснѣ? — окончивъ, спросилъ Тимо, запинаясь.
— Садовникъ былъ плохъ, не смотрѣлъ за безпомощнымъ цвѣтомъ —
И онъ не далъ плода, упавъ у соленаго моря — прошептала въ слезахъ Наоми
И, шатаясь, пошла къ королю, снова прося ее взять съ веселаго пира.
— Стой! — закричалъ Тимо въ непонятномъ восторгѣ. — Ты не уѣдешь, король!
Лишь сегодня послалъ я людей въ далекія горы

Поймать удивительныхъ птицъ, чье мясо нѣжнѣй
лепестковъ цвѣтка борао.
Клянусь, никогда еще ты не вкушалъ такой замѣча-
тельной дичи!
— Хорошо — отвѣтилъ довольный король.
— Только завтра ужъ будетъ наша послѣдняя встрѣча.
Моя дочка давно не видала своей страны
И торопится къ дому, въ родныя свои владѣнья.

VII

— Отецъ! Пожалѣй меня — Наоми зарыдала, придя
на корабль.
Если хочешь, чтобъ я увидала родную страну,
Возьми меня завтра же до восхода луны,
До восхода луны возьми меня завтра въ страну
Никихина.
— Тебѣ ли бояться луны, Всемогущая Дѣва Свѣта?
Грустно отвѣтилъ король. — И развѣ уйдешь отъ
судьбы?
Посмотри — вотъ раскрыты надъ нами темныя воды
міра,
Но и въ нихъ отраженія звѣздъ играютъ легкимъ огнемъ.
Такъ и наша душа мѣшаетъ свою тоску
Съ безконечнымъ сіяньемъ нетлѣннаго свѣта Все-
ленной.
Нѣтъ, въ такіе часы благосклонной земной тишины
Даже эта простая страна не хуже страны Никихина.
— Хуже! — воскликнула Наоми въ безмѣрной печали.
— Здѣсь тонкою нѣжностью ранятъ. Здѣсь плѣняютъ
живущихъ
Непостижной, страшной Любовью.
Возьми меня завтра же до восхода Луны,
Въ лунныя ночи я надъ собою невластна!

...Такъ поднялся надъ ними третій, послѣдній день
И когда Наоми въ сумеркахъ проносили на пиръ,
Ей казалось, что сами глаза ея передъ ней озаряютъ дорогу...

VIII

Были костры багряны, вкусныя кушанья пряны
По полянамъ у моря мѣшались тяжкія тѣни,
Міръ цѣпенѣлъ отъ истомы, отъ тоски и отъ пѣсенъ
И Наоми сидѣла, не имѣя силы подняться.
Надъ міромъ земнымъ вставала Луна —
Наоми не видала ея прихода.
— Моріу Никихина — сказалъ Наоми Тимо чуть слышно.
— Не хочешь ли ты пройтись по моимъ владѣньямъ?—
И безсильно пошла вслѣдъ за нимъ Наоми.
— Моріу Никихина — продолжалъ князь въ упоеньи.
— Сядь со мною сюда. Послушаемъ пѣсню ночи.
Это древняя пѣсня, мудрая какъ любовь.
— И какъ смерть! — добавила Наоми. — Мудрая смерть прекрасна...
— Моріу Никихина! — князь обернулся въ тревогѣ.
— Лицо твое блѣдно отъ луннаго свѣта — и черныя тѣни лежатъ на немъ,
Глубокія черныя тѣни. О, не суди меня строго.
Я не зналъ, что случилось съ моею любимой,
Я былъ запертъ и боленъ. Но въ отчаяньи заточенья
Я послалъ въ погоню за ней своего завѣтнаго друга —
И, сверкая, скатилась слеза съ глазъ князя Тимо...
— Любимая! — прошепталъ онъ, беря Наоми за холодную руку —
Другъ этотъ только вернулся и повѣдалъ мнѣ, что онъ видѣлъ.
Видѣлъ онъ море и черныя скалы, нагрѣтыя солнцемъ,

И горькую надпись на нихъ... И видѣлъ онъ также,
Какъ съ высокаго неба на берегъ спустился крылатый корабль —
И онъ былъ кораблемъ владыки страны Никихина.
— Въ странѣ Никихина мы никогда не вѣдали слезъ!—
Воскликнула Наоми, рыдая. — Милый мой! Мнѣ ль теперь предъ тобою скрываться?
И безсильно упала князю на грудь, замирая,
И изумился Тимо — какъ легка, какъ безтѣлесна она стала...
— Наоми! — закричалъ онъ безумно — Наоми — взгляни! Ты не смотришь —
Ты уходишь съ земли, Наоми! Пожалѣй меня! Наше счастье колдуетъ надъ нами! —
И въ отвѣтъ уловилъ еле слышный, неживой уже голосъ:
— Королева страны Никихина, я пришла съ высокаго неба
Къ вамъ за даромъ земной любви — и постигла: Любовь прекрасна,
Но Любовь не живетъ одна. Ея повелитель — Страданье,
Двойственно счастье земли — и снести его я не въ силахъ...

Такъ умерла Наоми, Всемогущая Дѣва Свѣта,
Наоми, пришедшая къ намъ за мудрой земною смертью.
Нѣжныя дѣвы, плачьте, ибо и вамъ отъ вѣка
Дарована тайна любви и горькая участь страданья...

ОГЛАВЛЕНІЕ

Предисловіе XI
Легенда о влюбленномъ Хито, искавшемъ себѣ жену 1
Легенда о Моа и Миру и о Королевѣ Мокореа 13
Легенда о томъ, какъ были открыты новыя земли 19
Легенда о храбромъ Макои и о чудесномъ цвѣткѣ Ритія 29
Легенда о юношѣ Ману и двухъ заповѣдныхъ Королевствахъ . . . 37
Легенда о Мавику и наслѣдьи отцовъ 45
Легенда о счастливомъ красавцѣ Тааки и о невѣрной красавицѣ Нуа 53
Легенда о Женщинѣ-Цвѣтокъ . . 61
Легенда о дѣвушкѣ Ронго-Ронго, о двухъ великанахъ и объ одной замѣчательной странѣ 69
Легенда о Теа и Мерэ, о матери ихъ Арара и о счастьи познанья и незнанья 77
Легенда о Инѣ Прекрасной и о коварномъ князѣ Марау Тангароа. . 89
Легенда о дѣвѣ небесъ Наоми, пришедшей за тайной міра. . . . 101

ЦѢНА: ВО ФРАНЦІИ — 25 ФР.
ВЪ АМЕРИКѢ — 1 ДОЛЛ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
"EDITIONS DES AILÉS", 2, rue Louis de Coppet, NICE (France)
NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 178-2nd Avenue, NEW-YORK, U. S. A.

YO-CMP-797